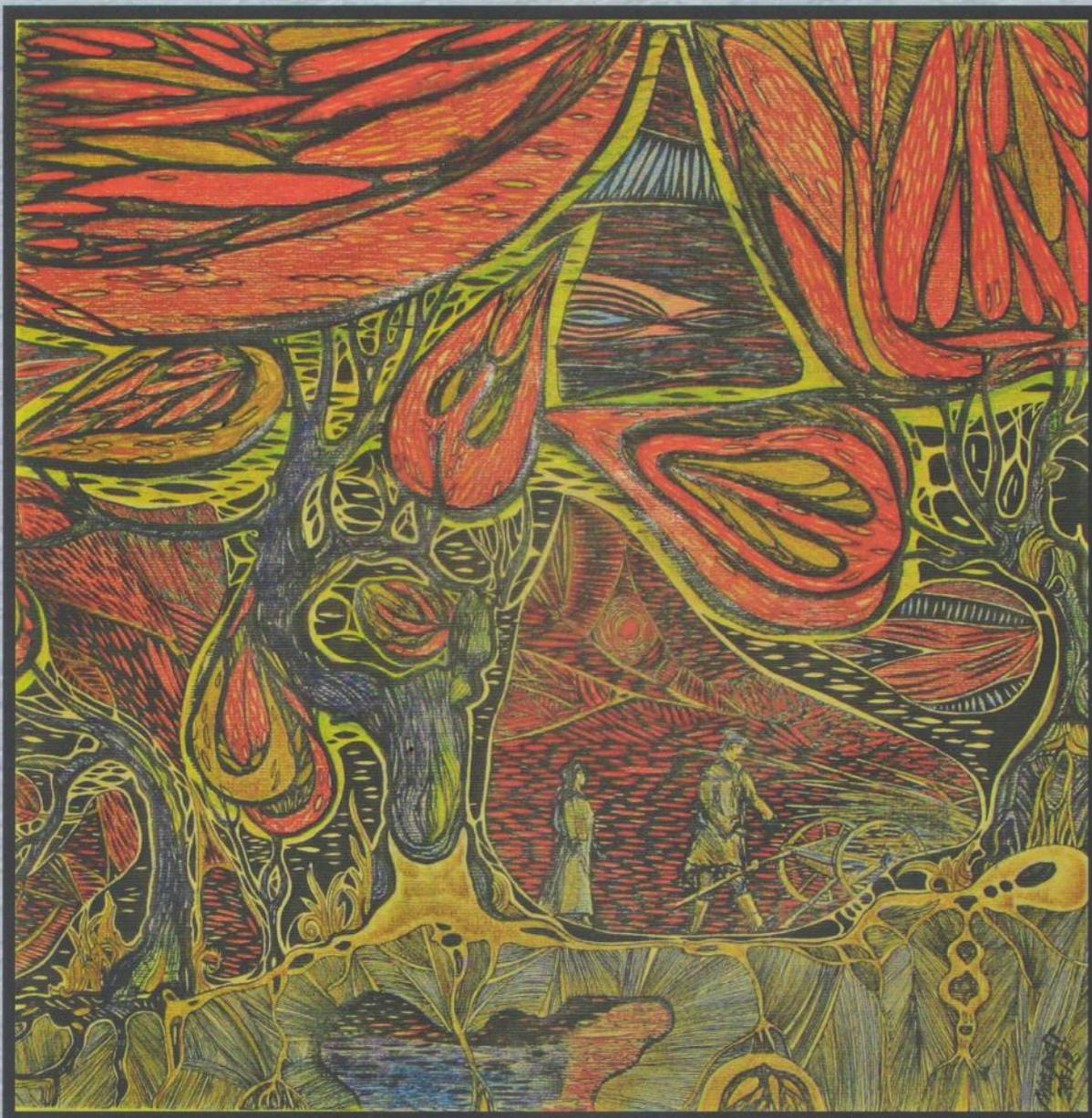
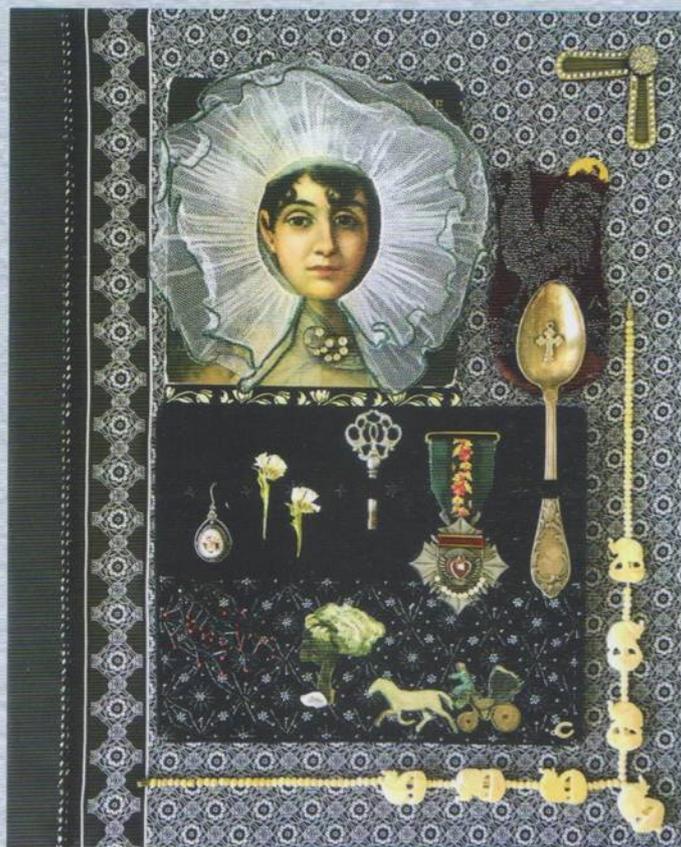

КАВКАЗСКИЙ
СЕРПАНТИНА

Литературное приложение к журналу
"Русский клуб"

2018

Маргарита ГЕВОРКЯН. Ожидание.
Коллаж.

Маргарита ГЕВОРКЯН. Дама в горностае, или
Удивительные свойства ядов. Коллаж.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ
«РУССКИЙ КЛУБ»
ГРУЗИЯ

КАВКАЗСКИЙ
СЕРПАНТИН

Литературное приложение к журналу
«Русский клуб»

ТБИЛИСИ
2018

Руководитель проекта -
Николай Свентицкий

Редакторы-составители -
Анна Шахназарова,
Михаил Ляшенко

UDC (УДК) 821.161.1-32+821.161.1-1+821.3531.03=161.1+821.19.03=161.1+821.512.162.03=161.1
К-126

ISBN 978-9941-8-0834-0

© Авторы (тексты). 2018

© Культурно-просветительский Союз «Русский клуб». 2018

Издание составили стихи, проза и переводы авторов

**АДЫГЕИ
АЗЕРБАЙДЖАНА
АРМЕНИИ
ГРУЗИИ
ДАГЕСТАНА
ЧЕЧНИ**

СОДЕРЖАНИЕ

Алина ТАЛЫБОВА Азербайджан.....	5
Гурам СВАНИДЗЕ Грузия.....	8
Фазир МУАЛИМ Дагестан.....	9
Рубен ИШХАНЯН Армения.....	12
Владимир САРИШВИЛИ Грузия.....	16
ZAUR Азербайджан.....	18
Анна ПОЛЕТАЕВА Армения.....	20
Баадур ЧХАТАРАШВИЛИ Грузия.....	22
Мариям КАБАШИЛОВА Дагестан.....	24
Ованес АЗНАУРЯН Армения.....	26
Саида СУБХИ Азербайджан.....	30
Инга ЧХЕИДЗЕ Грузия.....	33
Мargarита ГЕВОРКЯН Армения.....	37
Ася УМАРОВА Чечня.....	40
Паола УРУШАДЗЕ Грузия.....	43
Александр ХАКИМОВ Азербайджан.....	46
Кирилл АНКУНДИНОВ Адыгея.....	49
Сусанна АРМЕНЯН Грузия.....	52
Анаит ТАТЕВОСЯН Армения.....	53
Николай НЕДРИН Адыгея.....	55
Имина АЛИЕВА Азербайджан.....	57
Гюля Мехтиева Азербайджан.....	57
ПЕРЕВОДЫ.....	58
Адам АХМАТУКАЕВ.....	58
РОВШЕНИ.....	60
Лятиф КАМИЛЬ.....	61
Расим КАРАДЖА.....	61
АКШИН.....	62
Фикрет ГОДЖА.....	62
САЛАМ.....	62
Эдуард АРЕНЦ.....	63
Армен САРГСЯН.....	63
Асмик СИМОНЯН.....	63
Арам МАМИКОНЯН.....	64
Ованес ГРИГОРЯН.....	65
Бату ДАНЕЛИЯ.....	66
Зураб РТВЕЛИАШВИЛИ.....	66
Теона БЕКИШВИЛИ.....	66
Майя МИКАБЕРИДЗЕ.....	66
Темо ДЖАВАХИШВИЛИ.....	67
Давид РОБАКИДЗЕ.....	67
Лия СТУРУА.....	68
ОБ АВТОРАХ.....	69

Алина ТАЛЫБОВА

Азербайджан

СТИХИ ПО ОШИБКЕ

Из цикла «Двойник»

По ошибке завернула в эту жизнь,
Как подъезды, перепутавши века...
Эта вечность, как минута, пробежит –
Под моею головой твоя рука

Не успеет даже толком занеметь,
Как будильник возвестит, что нам пора.
Небо примется алеть и голубеть,
Грустный дворник сдует листья со двора.

Ни «прощай» не говорю и ни «прости»,
У порога со значением не гляжу.
Как младенца новорожденного, стих
Я цыганкою за плечи привяжу.

Побреду, босая, в свой аэропорт,
В нужный час взмахну
Натруженным крылом,
Не вступая с расписаниями в спор,
Не маяча в измерении твоём.

Измеренье измеренью не указ...
Выпуская осторожные шасси,
Что я вспомню,
Возвращаясь в свой карасс...
Как за шторой дождь полночный моросил

На пустынные скамейки и дома,
На затворы туристических ларьков,
Как наспуленная готика впотьмах
Выпускала стайки ведьм из рукавов.

Как стихами становилось все вокруг,
В смутном зеркале троясь и четверясь –
Даже тапочки и смятый покетбук...
Остается просто жить, не суетясь.

А вот это вот «кому-нибудь...», «на грудь...»
Я в ладони глупым фантиком сомну.
В новой жизни залетай когда-нибудь
В голубую да веселую страну.

ПОСТ-ШАГАЛОВСКОЕ

Который год, который век подряд
Над городом влюбленные парят.
А я сама была той вечной Беллой
В каштановых кудрях и с узким телом.
И я была как воск в твоих руках
В клубившихся над нами облаках.
Припавши головой к груди твоей,
В измятом платье цвета всех морей,
И я роняла туфельку с ноги
На чьи-то океаны и пески,
Манжетой зацепив за Нотр-Дам,
Пролётных птиц зовя по именам...
Наш Витебск сложен, пышен и богат:
Он снова громоздит – за рядом ряд –
Лачуги из бетона и стекла.
В одной из них я, помнится, жила
За прутьями своих сплетенных строк.
Меня хранил надежно потолок
От глупости полетов – и дождя.
Я счастлива была тогда, летя.
Вдыхая ветер, пахнувший тобой,
И бархат блузы чувствуя щекой.
Я знаю – ты напишешь в свой черед
Сухую кистью встречный город тот.
Банк и отель, бордель и стадион...
Дневной азан или вечерний звон,
Минха* иль месса – вряд ли различишь.
В круговороте следствий и причин
Я медленно седею на лету,
Вкруг сердца осязая пустоту.
Наш Витебск прожит, выжат и в прокат
Сдается – всем желающим подряд.
Но фреска да хранит парящих нас...
Прошу: живя хотя б еще сто раз,
Женясь, плодясь и пополняя счет,
И беспокоясь глории насчет,
Нравоуча детей, грубя врачу –
Не отдавай забвенью-палачу
Ты бедной Беллы смутные черты...
Но знаю я –
меня уронишь ты

* Минха - дневная молитва в иудаизме.

Из цикла «Еврохроники»

* * *

...Ночь черновик
 свой же собственный правит,
 ангелы в небе гоняют без правил.
 Час откровений – ни рано, ни поздно.
 Окон напротив вояка из бронзы
 На постамент свой взберется неловко.
 Наспех обдернувши экипировку,
 Ногу отставит, застынет картинно.
 Млечный хайвей
 растворился в стремнине
 Утра. Рядятся с рекламами птицы,
 Фрекен с метелками в двери стучится...

– Не выдавай меня!..

Спрячь меня, скомкав,
 В стопке белья в самой дальней из комнат,
 В горке вчерашней посуды на кухне
 Иль во флаконе из-под шампуня...
 И поклянись журналистам бывалым:
 Я здесь ни атомом не побывала –
 Просто фрамугою стукнуло в спальне,
 Да невзначай пробрело в зазеркалье
 Нечто, ничто, бестелесное нетто...

Призраки выключенного интернета
 Тихо скребутся в углах ноутбука,
 Маясь предчувствием скорой разлуки
 С цивилизацией атомных инков
 И непристойных наскальных картинок.

...Дальше не стоит. Всё это пустое.
 Новая осень тебя успокоит
 И ниспошлет тебе хлеба и рифмы.
 Я же останусь – погрешностью шрифта,
 Стиля помаркой, дизайнерским ляпом...
 И снова –
 дождями забрызганный Запад.
 Я, возвращаясь в родные восток,
 Счастлива, в общем,
 постольку-поскольку:
 Жгу менюэты на кончиках нервов,
 Телепортируюсь
 в век двести первый.

Из цикла «Под тбилисскою луною»

ПОСВЯЩЕНИЕ КУРЕ

Возьми, Кура,
 на память две монеты,
 Но поклянись царем речным за это,

Что будешь помнить –
 присно и вовек –
 Мое лицо, склоненное над ленью
 Твоих неповторимых завихрений...

Мутнейшая из всех знакомых рек,
 Мистическая, словно откровенье,
 Возьми, Кура, мои стихотворенья,
 Как ты берешь отжившие листья
 Дерев окрестных, камешки и соры
 Тбилисских улиц...
 С сердцем в вечной ссоре,
 Рассудок говорит: «Забыть. Остыть.
 Скатать в рулон,
 закинуть вверх на полку.
 На лоскуты, в изгнание, в кладовку...»

Но сердце знать не хочет ничего –
 Опять качает память, словно зыбку.
 И вновь течет Кура –
 мутна и зыбка,
 Резвится в кронах птичье дурачье...

Над тротуаром низко пролетая,
 Я ясно вижу, как вокруг растет
 Тот город, где никто не умирает,
 А только виден быть перестает...
 Там, где меня зовут не мной, а Ниной,
 А дом, где трубки, книги и картины
 Всегда открыт для мужниных гостей –
 Профессоров, поэтов и актеров...
 Где истина в застольях, а не в спорах
 Рождается скорее и верней.
 Где вырастив возлюбленных детей,
 Я с внуками теперь гуляю в парках,
 Пеня августу, что слишком жарок,
 А февралю, что ветрен и дождлив...
 Расслышав слабый колокол вдали,
 Крещусь на церковь, узкую как рея,
 Смотрюсь в Куру и утекаю с нею
 В какие-то иные города
 И измеренья... Обо мне жалея,
 Мне смотрят вслед фонарная звезда,
 Рассветный дворник
 и грифон знакомый
 (Тот, в медальоне, третий от угла...)
 Но главное: я все же здесь была,
 Все это обозначив словом «дома»...
 ...Что это за спиною?.. Двери стук?..
 Иль всплеск Куры, подарком недовольной?
 Иль сердца бой –
 ликующий и вольный
 У бронзовых влюбленных на мосту?..

ПОСВЯЩЕНИЕ ИНГЕ ГАРУЧАВА

Сладкая отрава –
Кофеек с утра.
Инга Гаручава,
Птица и сестра.

Смято оперенье,
Темный взор смятен...
Солнечные звери
Бродят между стен.

То ли был, то ль не был
Тот столетний дом.
Ключики от неба
Под половичком.

В розах одичалых
Шаткое крыльцо.
Инга Гаручава –
Богу письмецо.

Яблоком в ладошке
Уместится мир:
Травы, камни, кожи,
Деревенский сыр.

Хлеб новорождённый,
Ангельская рать...
(В день такой влюбленным
Славно умирать).

На отвесном склоне
Прорастает храм.

Тыквы и мацони
Носят по дворам.

Голые атланты
Маются жарой.
Вечер на пуантах
Реет над рекой.

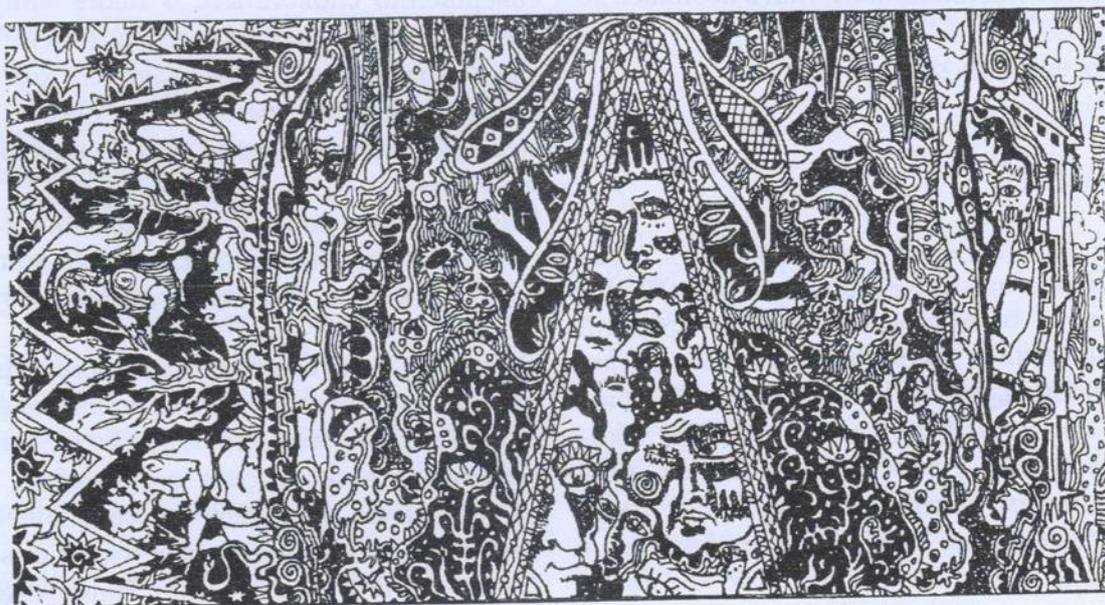
Над ажуром лестниц,
Сквозь платаний дым
Прорастает месяц
Рогом голубым.

Звездная оправка,
Смуглое лицо –
Инга Гаручава
Дарит мне кольцо.

Говорит – на память
На Земле иной,
Чтобы петь и плакать
Памяти со мной.

Веря в многоточье
Суеты земной,
Инга из-за строчек
Машет мне рукой:

«Нас с тобою – стая,
А все дороги – в Рим...
Значит, полетаем,
Значит – полетим...»

Марат ГАДЖИЕВ (Дагестан). Премьера. Тушь, б.

Гурам СВАНИДЗЕ

Грузия

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ МАМЕЛЮКА

Посреди пустынного, залитого солнцем двора, как бы отмечая эту середину, барахтаясь и залиристо крича, лежал навзничь голый ребёнок... Вдоль чахлого редкого забора шли двое, рослые, в белых спортивных костюмах, с оранжевым мячом. Явно спешили сквозь полуденный зной к жёлтому полю, голубеющему за ним морю.

“Чужие... Надо сказать матери о ребёнке, – подумал он, – не дай Бог, схватит воспаление лёгких!” Матери он ничего не сказал, отошёл от распахнутого вовнутрь окна, вернулся к столу. Писал письмо, к ней, перемежая изысканный русский текст с англицизмами. На семнадцатой странице писал о том, как это у Наполеона: “Один всадник-мамелюк всегда сильнее двух-трёх французских кавалеристов, потому что искуснее, храбрее”. “Если только он курд!” – ухмыльнулся он про себя. Неделю назад из тюрьмы вернулся брат. Все деньги ушли на его встречу и свадьбу, ему уже была уготована жена – пятнадцатилетняя, слабенькая, худенькая. Сейчас она лежала в тёмной внутренней комнате, на топчане. Вчера вечером её избил муж. Его самого не было дома. Отец на вокзале подрабатывает носильщиком. Мать возилась со стиркой...

Сегодня его день рождения.

САД КАМНЕЙ

Володя болел, очень серьезно. Мать, пока была жива, присматривала за ним. Потом она умерла. В это время Володя в очередной раз пребывал в больнице. Врачи не знали, как сообщить ему скорбную весть. Он был очень привязан к ней и в ожидании часа ми простаивал у зарешеченного окна. Она приносила ему книги, ученические тетради, шариковые ручки. Сын что-то записывал в тетрадках. Мать беспокоило, что он почти ничего не ест и сильно похудел. “Володечка,

я принесла тебе свежих булочек”, — каждый раз приговаривала она. Эти булочки женщина покупала у входа на территорию больницы. Они приятно пахли, и пока она шла по дороге к корпусу, “в отдел психозов”, куда помещали Володю, успевала съесть один из трех пышных теплых хлебцев. Она сильно голодала. Приносила с собой и что-нибудь из одежды. Тщательно расчесывала его светлую шевелюру. Поэтому Володя всегда выглядел чистеньким и прибранным – астенического телосложения мужчина-мальчик, с печальной поволокой в глазах... Известие он принял спокойно. Когда санитар вел его к врачу, он на ходу чиркал что-то в тетрадке. Делал то же самое, когда его выводили из кабинета врача.

Он писал себе: “Наверное, ты обращал внимание, как малое дитя своими еще неловкими пальчиками (указательным и большим) пытается подобрать перышко, выпроставшееся из перины. Вокруг много крупных предметов, но малыш прибегает к тонкому и целенаправленному действию, проявляя при этом упорство и оставаясь совершенно спокойным. В такие минуты лицо малыша бывает сосредоточенным, как у шахматиста, обдумывающего ход”.

Громила-санитар смотрел на него с усмешкой, дескать, совсем дурак – наверное, псих-поэт.

Ночью Володя долго сидел в постели и писал. Он не прервался, когда начал вопить и биться в бреду больной в дальнем конце палаты.

Он писал: “Сад Рёандзи создан для созерцания. Меняя место, откуда созерцаешь этот сад камней, ты видишь новые сути. Ты закрепляешь в себе новое содержание, почерпнутое из меняющегося соотношения камней сада, имеющих свое имя и смысл. Один из них всегда исчезает. Напоследок”.

Фазир МУАЛИМ

Дагестан

* * *

Лучшее сердце – сердце заблудшее,
Плачущее не от случая к случаю,
Плачущее... а вернее, то есть:
Всё изощренное горестным плачем
По невозвратно утраченному...
Лучшее сердце – пустое.

* * *

Дорога, ведущая в сердце к Другу, –
Как суфии пишут о милости Божьей, –
Словно улица с односторонним движением.
...Дай мне руку, товарищ!
Дай мне скорее руку –
И я отыщу его, я прошурую непреложное,
Неоспоримое, неповторимое,
непоправимое-решенье.

Ведь я намекал тебе, говорил издавека,
Я писал для тебя в своем дневнике,
Что жизнь не в сердце, жизнь – в руке.
В ладони. Жизнь. Вот – рука.

* * *

Из воды ничтожной,
Из глины звучащей,
Из праха, из страха,
Из любви нестерпимой
Был создан Адам.
...Возьми – я отдам:
И жизнь – что мимо,
И смерть – не в меру,
И сердце – спящее,
И дух – восторженный

* * *

Я в узкое окно моей тюрьмы
Увидел свет неволи и изгнания.
“Сначала – знания, мой друг, сначала –
знания”, –
Как в полусне услышал стих Руми.
“Сначала – знания, деяния – потом.
Со временем иль только после смерти, –
Как в забытии я слушал речи эти, –
Мы насладимся, мы насытимся плодом”.

* * *

Ибо сердце его – на правую сторону,
А сердце моё – на левую...
Сизым голубем и ни чёрным вороном –
Не встревожу его, не разгневаю.
Не прогневаю...

...Отпускай меня, хлеб твой, по водам –
Плыть, плыть – в добровольное
изгнание.
Это, знаешь ли, служит поводом,
Поводком, в поисках знания.

* * *

Теперь, ну скажем так, на склоне дней –
Мне хочется страстей и страха.
Налей мне истины, мой друг, налей,
И облачи во плоть из праха.

И позови по имени, как встарь,
И снова обреки на плаху...
Смотри: из праха созданная тварь
Пытается избегнуть праха.

* * *

*Я спросил у своего сердца:
«Что ты делаешь?» - Оно ответило:
«Увеличиваюсь. Потому
что, ей-богу, я – дом Его образа».*
Дж.Руми.

Когда он называет меня своим другом:
Не трогайте моего друга, оставьте:
Он – солнце моих глаз;
Он – моя радость, он – моё благо, –
Разве я могу не плакать?
Разве я могу?..
Разлука... Горькая разлука, долгая...
Я подхожу к нему, я подхожу к нему,
я подхожу.
Целую взасос его шею,
Окунаю лицо в его щетину,
Прячу лицо в его щетине, блуждаю.
Становлюсь им,
становлюсь им, становлюсь –
И,
Отыскав его шейную артерию, –

Он ближе ко мне, Он ближе ко мне,
 Он ближе ко мне,
 Чем шейная артерия*, –
 И,
 Нашупав его шейную артерию,
 Перегрызаю её!
 Мой Возлюбленный хлещет
 эвкалиптовым соком,
 Красным, как кровь шахида,
 Сладким, как смерть шахида.
 Он вздрагивает и отдаляется от меня,
 Он всхлипывает и отдаляется от меня,
 Он отдаляется от меня, отдаляется,
 Исчезает.
 И
 Нет больше Друга,
 Нет больше его,
 Нет больше меня,
 Нет больше нас,
 Нет больше...
 нет...
 Где нам и быть,
 если даже шейной артерии* нет!

Для меня, для влюблённого,
 вдоволь насытившегося разлукой,
 Исходя из суфийских учений,
 Есть одна всего книга, есть один лишь урок:
 Всё, что я осознал, всё, что выудить смог
 Из реки речений,
 Из верчений круга,
 Я б отдал за пылинку с ног
 Моего Друга.

Тут в каждом камушке под ногами
 мерещится череп,
 Мерещится выживший Бог...
 О, если б я мог, о, если я только бы мог
 Зарыться в глубокой пещере
 В хальвате**, аскетом!
 Себя настоять на тоске. В тоске-то
 И просыпается Бог, и зарождается Бог,
 обновляется Бог...

* Поэзия как сердце: думаешь, что самоцель, думаешь, что сердце биением и током крови поддерживает твою жизнь. Но прислушаешься – и понимаешь, что оно омывает Бога, который «ближе к тебе, чем шейная артерия». (прим. автора)

** Хальват – единение для приближения к истине.

1
 Гордость – это обращённость к себе,
 Уваженье к себе и вниманье к себе.
 И любовь к себе...
 И любовь к тебе, и любовь к тебе,
 и любовь к тебе.
 Ой-й-й!
 Что нам тюрьма, что нам Сибирь!
 Спи, мой друг, спи:
 Я горжусь тобой.

2

Высокомерие – пренебрежение к другим:
 Моя мера – выше, моя вера – чище.
 Высокомерный не ищет –
 Он знает, уверен, что истина найдена им...
 Не ищет? –
 Так вряд ли и его самого найдут.

Видишь ли, тут
 Томик стихов я достал,
 И пока ты спал,
 Я шептал над тобою
 За строфою с т р о ф а – т и х о:

Ф а т и х а***:

Во имя Бога, Милостивого, Милосердного...
 И теперь ты другой, и время другое,
 И мысли...

3

А гордыня – это то, что не может существовать в принципе, потому что гордыня – это игнорирование Бога. То есть, вещь несуществующая, из категории “необходимого бытия”, по Араби, то есть нечто такое, что абсолютно недопустимо, но оговаривается...
 Ах, если бы нам тоже...

Идея свободна, слово в темнице.
 Идея воинственна, слово смиренно.
 Идея раскована, слово стыдливо.
 Идея – одна, одна, одна.
 Слов – много: “и два, и три, и четыре,
 которыми овладели ваши десницы.”

*** Фатиха – «Открывающая», первая сура (стих) Корана, которая читается почти при любом удобном случае, даже просто так – для припоминания.

Идее – во славу, слову – в позор.
Идея оправится, слово погибнет.
Ай-й-й-й!

Вы и не знали, что снова и снова
Вернется идея
И будет, как дарвиши в дарге*,
Кружиться над умершим словом,
Пытаясь его оживить.
Осеменить.

...Идея от высей и к высям,
Слово земно и телесно.
Но слово – красиво.
И слово ты шепчешь мне в правое ухо –
с рассветом.
И в левое ухо – когда темно.

* * *

Бился о берег волнами Каспий,
Предвещая мне счастье наспех –
Я, неверный, сказал, что да.
Я сказал, что, конечно, согласен,
И рассыпался, бросившись наземь,
И разбился – о камень вода.

Так всегда – ну, конечно, всегда так.
Братъ – так всё, а не только задаток,
А не только слова, слова, слова.
Вот подходит – в плаще из заплаток.
Вот я в сон погружаюсь – сон сладок,
И как ватная – голова.

И пустая, и сердце пустое.
На Сирате** понтонном стоя,
На последнем мосту,
Я вычерпываю пустоту.

ИЗ РУМИ

Нет его больше в моих городах,
в моих поселеньях,
на моих стоянках.
Ищу – и нет.
Зову – и нет.
Крест испытал я:
сверху вниз, справа налево.

* Дарга – братство, если коротко.

** Сират – своеобразный мост между мирами, мост на небеса; он тоньше волоса, острее меча, ну и т.д.

Древо, древо, древо познания!
Срублено древо –
Выструган крест.

Древнюю пагоду,
башню сокровищ,
храм небесный
весь обыскал я –
Не было там и следа.

Взбирался на горы,
спускался в долины,
блуждал в пустыне...
Нет его, нет нигде.

Достиг я Мекки,
вошёл в Каабу.
Но нет его там.

Отчаялся я. Заплакал.

И взглянул в своё сердце, отчаявшись.
И прислушался к сердцу.
Вот – он.
Вот – он.
Вот – он.

* * *

Верните Бога на землю
Из изгнания.
Освободите из храмов,
из заточений...
Бог, он – ничейный.
Бог – ничейный.

* * *

Разбито сердце вдребезги. Вдрызг.
Проснись. Проснись. Пора. Пора.
Что ты так долго искал, по свету рыскал –
Вот оно близко.
Вот – наконец.
Я в книге суфийской прочёл вчера,
Что Бог у разбитых сердец.

Рубен ИШХАНЯН

Армения

Из цикла «ЧЕТЫРЕ ЦВЕТА»

ЧЕРНОЕ

Капелька чернил в стакане чистой воды, и больше нет прозрачности. Все становится черным, и, если еще пару минут назад, можно было бы сделать глоток и утолить жажду, то теперь остается оставить стакан на краю стола, понаблюдать за черным, словно перед тобой «Черный квадрат» Малевича, за которым скрыто то голое невинное прошлое, которое больше не вернуть. Понаблюдать, а потом просто вылить в раковину, за ненадобностью, освободить стакан для новой чистой воды, и вновь поэкспериментировать с чернилами, или же продолжить ассоциировать пустой стакан с черной водой. «Такова жизнь», – кто-то вздохнул рядом с Ануш, думая о жизни и о судьбе, словно рефлексирюя над стаканом черной воды о неизбежном. Стоит кому-то или чему-то очернить твою жизнь, как она больше не обладает теми качествами, что прежде. «Черная жизнь» – метафора, ворвавшаяся в сознание Ануш еще в раннем детстве, придуманная ею, но не обладавшая той степенью оригинальности, какую она сама видела в ней, в один момент превратилась в реальность, после чего, вспоминая свое прошлое, все виделось ей как на картине Рене Магритта «Воспоминание о путешествии» – каменным. Живая память была из черного камня – не сдвинуть, не изменить. Ожившие образы мигом каменели. Каменными были мать, отец, брат и старший сын, вот и муж уже год как окаменел, пережив сына на тридцать два года, и памятник она поставила им из черного гранита – символа вечности.

Ануш не могла спать по ночам. В черной комнате темные мысли не давали покоя. Нет, она была слишком сильна для того, чтобы впасть в уныние, почувствовать себя одинокой, раненной, просто устала вечно находиться между двумя мирами. Прошлое и настоящее вплелись воедино, и она чувствовала, как стоит между двумя сыновьями. Старший сын ждал ее за лунным морем, маня долгожданным покоем, но она беспокоилась за младшего, как же он сможет прожить без нее. И, временами, когда младший сын наве-

щал ее, она гладила его по небритой щеке, смотрела в его черные глаза, и задавалась одним и тем же вопросом: «Как?» С одной стороны, она просила Деву Марию дать ей еще возможность быть рядом с младшим сыном и внуками, которые не оставляли ее в покое, не давали повода приуныть, да и она набирала им, чтоб узнать, как они, когда появятся у нее дома, чтобы подготовиться и накрыть стол – первое, второе, третье. Всегда любила готовить, ждала гостей к праздникам, звонила друзьям и знакомым, листая старую истрепанную записную книжку, ставя птичку возле имен, ушедших в небытие. С другой стороны, каждый раз, накрывая на стол, вспоминала, как много лет назад в июле готовилась отпраздновать день рождения старшего сына. Когда зазвенел звонок в дверь, она уже успела поставить агатовые розы в вазу из лемезита, достать из печи торт «Наполеон» из аргиллита, проверить, пожарилась ли обсидианная картошка. Девушка сына стояла у порога, плакала, ничего не могла выговорить, было ясно – случилась беда. Черное озеро Ван – Севан – унесло каменное тело сына в неизвестность, превратив праздничный стол в поминальную трапезу. Потеряв сына, ей и мужу казалось, что не смогут прожить и дня, но ведь прожили, и с каждым годом боль, хоть никуда не исчезла, но отпускала на время и уступала место радости. Они еще танцевали на свадьбе младшего сына, радовались его успехам, а когда родилась первая внучка Виктория – победа, счастье вновь постучалось в двери, но опять ненадолго.

Черное старинное пианино – подарок Ануш от ее бабушки, невольно стало верной подругой и свидетелем прожитой жизни. Над ним висели портреты любимых мужчин Ануш – отца, мужа и сына. Каждый вторник Ануш садилась за пианино, открывала крышку и начинала играть, но пальцы были уже не те, и голос как-то неестественно охрип, сел, и подруга устала, вышла из строя, фальшивила и раздражала. Белые и черные клавиши знали радость и печаль, улыбку и слезы. Некоторые из белых клавиш оглохли, а черные – хромали. Ануш резко останавливалась, вздыхала и смотрела на пианино. Верная подруга должна умереть вместе с

ней, вместе с черно-белыми фотографиями, где запечатлены люди, которых внушки уже не будут знать. Прошла их жизнь, прошло их время. Ануш даже не знала, кого из них ей больше жаль. Себя или верную подругу, которая хоть и стареет, но все же может прожить после нее еще много лет, главное, сумели бы настроить и дать ей второе дыхание. Тогда, может быть, какая-то маленькая девочка научится играть на ней. Жизнь подруги заиграет новыми красками, она почувствует себя молодой и красивой, исчезнет усталость. Ануш хотела верить, что такое возможно, но понимала, что скорей всего подругой никто не займется. И после нее пианино будет выброшено на помойку.

После смерти мужа к Ануш по вечерам стал прилетать ворон, садиться на подоконник, стучаться в закрытое окно. Он наводил на мысль о черном солнце и о белой луне, окруженной темной сферой. Ануш следила за ним издали, чувствовала какое-то странное родство, но боялась впустить в квартиру. Она ждала его каждый вечер, беспокоясь, что непрошенный гость не прилетит к ней вновь и одновременно надеясь, что так и будет. Оставляла кусок хлеба за окном как приношение, и, успокаиваясь на время, когда тот отвлекался и начинал клевать. «Ешь», – шептала она ему, и сама вместе с ним откусывала свежего хлеба. Ритуал этот повторялся изо дня в день, пока однажды, Ануш не заболела и не легла на диван. Она стонала от боли в теле, щурила глаза, поворачивалась с одного бока на другой в поисках более безболезненной позы, но безрезультатно. Ее знобило, но думала, что пройдет, и лень было встать, подойти к телефону, набрать номер сына. Неохота было что-то произносить. Пронесет, скоро встанет на ноги, с кем не бывает, старость – набор неизлечимых болезней, но надо бороться, не подпускать мысли о смерти. Ей надо жить, у нее не закончилась миссия, а когда она закончится? Временами ловила себя на мысли, что успокоится лишь тогда, когда и младший сын, и внушка перейдут в мир иной, туда, где больше нет жизни. Желала ли она им тем самым смерти? Нет, ни в коем случае, просто хотела быть рядом с ними, а умереть еще успеет, не бывает опозданий к Богу. И, закрыв глаза, она вдруг услышала, как открылась крышка черного пианино, и кто-то начал играть Шопена. Подруга так красиво пела мелодию, словно старалась изо всех сил угодить Ануш.

Воздух в комнате кружился под звуки вальса, память мчалась без оглядки назад, а черный ворон сидел у изголовья, молча следя, как тело неторопливо отпускает душу, темную как смола, ставшую такой от боли и обид, накопившихся, как окурки в пепельнице.

«Такова жизнь», – вздохнул ворон, думая о жизни и о судьбе, словно рефлексировав над стаканом черной воды о неизбежном, а потом взлетел и стал кружиться над телом Ануш, охлаждая его распростертыми крыльями. И тень крыльев ворона падала на пол и отражалась на стенах, и черный цвет, замкнутый в четырех стенах, напоминал первозданный хаос. Когда парение ворона закончится и восстановится спокойствие, собравшиеся вокруг Ануш люди окажутся свидетелями великолепного зрелища. Старость исчезнет, уступив место красивому прозрачному белому шарiku. И белый шарик будет метаться по поверхности, кружиться, сталкиваться с другими белыми шариками, словно гонимая друг за другом среди разноцветного пламени, среди отблесков белой звезды.

ЖЕЛТОЕ

Мокрые после ливня дорожные длинные волосы асфальта, расчесанные в прямую линию, под желтым цветом ночных фонарей и мимо проезжающих машин уводят ее мысли далеко в детство, когда она бежала под летним дождем в море подсолнухов выше ее ростом, временами прячась под их янтарно-золотыми тенями, думая, что это будет продолжаться вечность – беспечность, счастье любви родителей, невыносимая легкость бытия; яичница из двух не родившихся цыплят на кукурузном масле, с заботой приготовленная бабушкой и ждущая ее утром вместе со свежим молоком и только что испеченным горячим мягким ломтем матнакаша, на котором непременно должен был потеть сливочный сыр; доброе ворчание бабушки и его твердые сухие мозолистые с трещинами ладони, разучившиеся ласкать нежное детское лицо маленькой хрупкой девочки, она замечала это и раздражалась его неуклюжими движениями, дрожью в руках, а он, в желании спрятать от нее свою беспомощность перед старой жизнью, нервно выходил во двор и начинал лихорадочно курить мелко порезанный армянский табак, засовывая его в пустые папиросные гильзы. Ануш часто любила всматриваться в репро-

дукции Ван Гога, находя в его желтом цвете что-то родное и подзабытое, стараясь тщательно изучить каждую полоску на картине, словно в них была некая тайна, способная помочь ей разгадать суть ее души. Желтым было все в картинах великого голландского художника – звезды и месяц в ореолах, терпкий воздух с кудрями деревьев, рыжие головки подсолнечников, ночное уличное кафе под светом ламп. И даже на его последней картине «Вороны над полем пшеницы», написанной им перед гибелью, изображено золотое хлебное поле. Причина солнечных красок Ван Гога заключалась в настойке на перстянке, в питьевом золоте, хотя оно не содержит ни грана золота, в этом растворе универсального лекарства, в его высокой целительной силе и широком спектре терапевтических действий. Способность изменить реальность, цветообман, когда не видно плодоящей черной почвы под большими рыжими головами подсолнечника и колосьями пшеницы, желание убежать от себя и от мучающей страшной боли, припасть к другой природе, к желтизне, где слышны слова ликования, выражение глубокой радости, крик торжества: «Теперь я вижу воистину!».

Только все неправда, фарс действительности, умелая игра химеры без малейшего сомнения, это и есть тот единственный верный путь к разоблаченной великой тайне... Желтые розы на подоконнике непременно приводят к разлуке. Дедушка выходил во двор и начинал курить свой табак, бабушка злилась на него, беспокоилась за его кашель, но ничего не могла поделать, а потом один за другим их не стало, и жизнь начала двигаться в быстром темпе. Все двигалось по-шустрому, словно кто-то, не чувствуя соучастия, мотает пленку к концу, к самому финалу, ожидая, что произойдет в судный день, чем все закончится. Ануш закрывала глаза близких, а потом продолжала жить, вначале печалась, а затем привыкая. Ануш вышла замуж не по взаимности чувств, понимала, лучшего заботливого мужа и отца не сможет найти, родила от него двух сыновей, кормила грудью сперва старшего, затем младшего, но не делала никакой разницы, оба сына были любимы одинаково, когда они выросли, отправила их на войну сражаться за родину, сама осталась молиться каждое утро и вечер, чтоб боженька сохранил их, он сохранил, дал им образование, а в день рождения первенца, ему должно было исполниться тридцать три,

она возилась на кухне в ожидании гостей, он пошел купаться в водах озера Севан, вошел и не вышел, утонул, исчез, испарился, и снова посередине комнаты стоял гроб, а вокруг на стульях сидели женщины, смотрели на Ануш, у которой не было ни единой слезы на лице, шептались о ее черствости, ожидая от нее безумного плача, крика, вопля, а видели окаменелость, она лишь гладила его по голове, о чем-то вместе с ним молчала, они вдвоем знали о чем, а через несколько месяцев, года не прошло, женила младшего сына, и танцевала Ануш в льняном бархатцевом платье вместе с мужем на его свадьбе, знала, в этот особенный для сына день она должна выглядеть счастливой матерью, несмотря на боль, о которой и так все знают. Сразу после свадьбы сын переехал жить на квартиру вместе с невесткой, правда, недалеко, практически в соседний дом, родилась дочка, любимая внучка, Ануш днями пропадала у сына, помогала растить ребенка, и невестка была благодарна, они сумели найти общий язык, еще через пару лет не стало мужа, он не выдержал разлуки со старшим сыном, пошел искать его след, может, нашел, ей хотелось верить в это, и еще в то, что все когда-нибудь соберутся на том свете, сядут за стол ужинать и будут счастливы, как тогда, когда все только начиналось. Это непременно случится, но пока она должна жить для сына и внучки, она им нужна, они так говорят, поэтому каждую субботу и воскресенье Ануш возится на кухне, готовит праздничный стол, печет сладкое, ждет их и наливает в бокалы крепкого желтого вина, позволяет себе немного пригубить, немного можно, ничего не будет, если даже поднимется давление, проверит и стабилизирует, нечего бояться, невестка рядом, поможет, если что...

Оставаясь наедине с собой, присаживаясь возле старого телевизора, который последнее время стал показывать в тусклых цветах светлой осени, Ануш все чаще чувствует себя одинокой и ненужной, имперского желтого цвета шерстяная нитка замоталась на шее и давит. Ее стал мучить вопрос, на самом ли деле она нужна им, не мешает ли им ее существование, не надоело ли им каждую субботу и воскресенье заглядывать к ней, имеет ли смысл этот ставший семейной традицией ужин на выходные, понимают ли ее, не страдает ли она в их глазах старческим маразмом, не раздражает ли их дрожь в ее руках, неуклюжие движения, ведь последний раз

она разлила на скатерть сладкий горячий желтый чай, а невестка с криком вскочила, потому как капли попали на ее руку и немного обожгли, а еще, Ануш попросила сына достать с верхней полки шкафа лимонного цвета скатерть, забыв предупредить, нет, она просто забыла, что тот самый стеклянный сервиз, который он подарил своему отцу после поездки в Шри-Ланку, положила на скатерти, и он упал на его лицо, разбился, поцарапал нос, слава Богу, все обошлось, очки спасли глаза, но когда она в страхе взялась перекисью обрабатывать рану, посмотрела на него, то вдруг поняла, что он старается изо всех сил скрыть свое возмущение, столь похожее на те чувства, которые она испытывала по отношению к деду в детстве, не понимая его борьбы со старой, уже ненужной жизнью. Она обрабатывала рану и спрашивала: «Тебе больно? Нет, не больно? Не ври». Он не собирался врать, ему не было физически больно, сын хотел, чтобы весь этот фарс поскорее закончился. Ему надоело все, вся его жизнь – игра, ему приходится быть добрым верным мужем, любящим и понимающим отцом, брать на себя функции старшего сына по субботам, в воскресенье вновь возвращаться в этот дом в роли младшего, а всю неделю с утра до вечера пропадать на работе, преподавая студентам, которые ничем не интересуются, во время лекций включают гаджеты и общаются с кем попало. Сын хотел свободы, желал быть собой, да, почему не иметь возможности хотя бы один день в месяц спрятаться в собственной скорлупе, как черепаха, скрыть голову в панцире, никого не видеть, ни с кем не общаться, сконцентрироваться на себе, поспать, успокоиться, расслабиться, выпить пива, поговорить с единственным другом, вспомнить привольную молодость, обсудить когда-то миниатюрных девушек, с кем веселились и делили свои лучшие часы, которые теперь вышли замуж, имеют детей и неожиданно растолстели, как колобки. Сын иногда ловил себя на мысли, что на войне был счастливее, чем в мирное время. Ануш понимала его, она всех всегда понимала и принимала любой каприз. Она отдала им всю свою жизнь, но ничуть не жалела потраченные годы. Ануш не смогла бы потратить свое время лучше, чем родить и воспитать двух героев, умных и талантливых людей, нужных и востребованных. Она гордилась ими. Они были смыслом ее жизни.

Все вдруг остановилось, пошло замедленными кадрами, значит, конец не так далек. Кто-то перемотал все до последних считанных минут. Еще немного, и долгожданный фильм будет закончен, еще один рассказ дочитан. В когда-то переполненной квартире никого нет, кроме молчаливой Ануш. Вокруг царит глубокая мертвая тишина. Она с утра не хотела вставать, но решила все же измерить давление. Ей осталось совсем немного, но она спокойна – практически все сделано: продукты на выходные куплены, любимое желтое вино сына привезут в пятницу вечером, анютины глазки для невестки заранее заказала на субботу, она наизусть знает нужный номер доставки цветов. Нет страха и отвращения, ничего сверхъестественного не происходит. Смерть – орудие спасения от старости, скоба, которая соединяет материальный мир с божественным, земная дверь, отверстая в небеса, цепь, связывающая тех, кто ее ждет, с теми, кто будет ждать с ней встречи. Одной лишь смерти принадлежит будущее, в ней заключается тайна, в этой невидимой области чистой духовности. Скоро душа отправится в путь в небытие, к таинственному ничто, где царствует всякое присутствие. Она хочет, чтоб прощаясь с ней, родные почувствовали боль потери и сожаления, запомнили ее живой и не гниющей. Стоит ей закрыть глаза, как желтый цвет начинает сгущаться и затемняться, он пробивается сквозь туман, но все равно, еще темно и пасмурно. Восемь лучей исходят из центра. Это точка проникновения, свет обязательно должен пробиться, он будет казаться ослепительным и бесцветным, произведет сильное и длительное впечатление, и затухание его будет сопровождаться цветным явлением. Невидимые волны, исходящие от него, начинают светиться из-за колебаний атмосферного воздуха. Эфир или небо – излюбленное место, жилище чистого света. Если рассматривать солнечные лучи даже сквозь слабую мутную среду, он будет казаться желтым. Когда помутнение среды усилится, желтый цвет сначала приобретет красноватый оттенок, а затем и вовсе превратится в пурпур. Вот почему солнце кажется нам сквозь земную атмосферу желтым, а на восходе и на закате, когда его лучи пронзают больше испарений, выглядит красным. Пройдет некоторое время, пока этот пурпурный цвет не распространится от периферии к центру, покрывая все вокруг огнем.

Владимир САРИШВИЛИ

ЗАРИСОВКИ ПАМЯТИ

Нам по семнадцать. Под крылом самшита
 Пей, веселись. Двенадцать без пяти.
 Стихами ночь дремучая прошита,
 Не видно даже Млечного пути.
 Нам по семнадцать. Это время права.
 Мы в безрассудство верим наперёд.
 И неминуемой кажется нам слава,
 Всех благ мирских густой и сладкий мёд.
 Спустя полвека, в эту ночь бросая
 Взгляд старческий, не стану я жалеть...
 Самшит. Заря. Красавица босая...
 Браслет росы. Кувшин вина. И снедь.

3.07. 2017

Если бы я умел плакать,
 Спустился бы по железным лестницам
 К воркующей мутной Мтквари;
 Вспомнил бы о своих прегрешениях,
 Слабостях, минутных и долголетних,
 Умопомрачениях и жестокостях...
 И полились бы слёзы очищения,
 Слёзы раскаяния и мольбы о прощении,
 Но я не умею плакать.
 А если бы я умел плакать,
 Вспомнил бы обо всех неблагодарных,
 Исполненных зла душевного,
 Обо всех обманувших и равнодушно
 взиравших на мои страдания,
 Обо всех предавших, продавших меня с
 потрохами,
 Обо всех обнаглевших, завидующих и
 навредивших,
 Мне тайком силки расставлявших,
 в которых я путался, падал, с дороги
 сбивался,
 И полились бы слёзы
 Негодования и мятежа сердечного,
 И слёзы мольбы о возмездии...
 Но я не умею плакать...
 О, если бы я умел плакать,
 Ушёл бы от мира туда, где меж скалами
 Крохотная часовня пустует, заброшена...
 Смотрел бы на город, больной суматохой, в
 сумятице нравов и судеб,

И он бы казался игрушечным...
 Читал бы святых жития и деянья апостолов,
 Мечтал бы о Царстве добра,
 справедливости,
 истины...
 И веки мои увлажнились бы от осознания,
 Что это несбыточно и во владениях
 вечности.

О, если бы плакать умел я...
 Но я не умею.

15-16.08. 2017

ОСЕННЯЯ ЭЛЕГИЯ

И ночи стыннут, и годы стыннут,
 И не полюбят, и не покинут
 Меня сегодня, и завтра тоже,
 Грехи, ошибки прости мне, Боже!
 И мысли вянут, и травы вянут,
 И не обнимут, и не обманут
 Меня сегодня, и завтра тоже,
 И так – до зорьки на смертном ложе.
 Нищают ритмы, бледнеют строки,
 Прощайте, песни, прощайте, склоки,
 Печаль – сегодня, и завтра тоже,
 Бреду по жизни, на тень похожий...

8.09. 2017

Не блудница, не зверь – убожество
 Апокалипсиса лицо.
 Превращаясь в пустое множество,
 Мир стоит пред своим концом.
 Вот и вылита чаша пятая,
 Вспышку солнца сменяет мрак.
 Канет, в бездну планета падая.
 Плачь, Земля! Ибо будет так...

11.09 2017

Возможно, я неправ... Фантазия в разгуле,
 Цитирую в уме античных мудрецов.
 Грехов моих костёр в пожар лесной
 раздули,

Вы правы. Проиграл я бой, в конце концов...
Да, компас жизни был небрежно

намагничен,

И стрелка смещена... Где запад? Где восток?
Что из того, что друг увёртлив и двуличен,
Что из того, что жёлт и сух, летит листок...
Грехов моих костёр в пожар лесной

раздули,

Цитирую в уме библейских мудрецов.
Возможно, я неправ... Фантазия в разгуле;
Я признаю – проигран бой, в конце концов.

22.09. 2017

«Истукан и стакан».

Масло. Холст. 28 на 40.

Ладно скроенный, нервный мазок.

И музейная тишь.

Мглы вечерней вельвет.

Снег лежит, как размазанный творог.

А за мутным окном –

Шпили, флюгеры – граждане крыш...

Полумесяц

Умылся дождём,

Вытер тучей мохнатой

Бородавчатый лик,

Полотенце повесил на крюк.

Истукан и стакан,

Я страданий твоих соглядатай,

Ты – пропащая жизнь,

Лысый филин, облезлый бирюк...

Истукан и стакан,

Эдак лет через десять-пятнадцать

Я сольюсь с полотном

И напротив поставлю бутыль.

И ни встреч, ни звонков,

Больше смерти не надо бояться,

Мглы вечерней вельвет,

Голый тополь, как чёрный костыль...

11-24.11.2017

ЗАБЫТЫЙ ВЕРБЛЮД

Бродячий цирк забыл верблюда Яшу.

Вдоль набережной, наспех собрались

И укатили... С кисточкой вам наше...

Да ладно, Яша ушлый, не бойсь.

Он выживет, он приглянулся чайкам,

Навес почти что цел, пейзаж неплох.

Он талым снегом до рассвета чавкал

И думал – может, здесь какой подвох?

Не потому ль меня забыла трупна,

Что спотыкаюсь чаще и дышу

Шумней гораздо. Раздуваю тупо,

Некстати ноздри... Сена не прошу.

Забыл верблюда Яшу цирк бродячий,

А мог бы и заметить – чай, не мышшь...

Стоит верблюд, копыта раскорячив,

Что толку в нём? Какой с него барыш?

8-9.12 2017

Как ты прекрасна, жизнь моя, за вычетом

Грехов, обид, несбывшихся чудес...

Летит Земля в своей вуали дымчатой

Под бирюзовым зеркалом небес.

Заря приходит, пенъем переливчатым

Звеня, и полной грудью дышит лес.

Как ты прекрасна, жизнь моя, за вычетом

Грехов, обид, несбывшихся чудес...

2016-14.01. 2018

ПОДАРОК ТАНЕ СВЕТЛОВОЙ

Какие изобретательные одноклассники...

Всем девочкам на 8 марта

по три тюльпанчика красненьких,

Только толстая Таня Светлова,

Светлова по прозвищу «Корова»

Получила в подарок пластиковую бурёнку,

Ну как не заплакать ребёнку!

Но Таня Светлова не плакала –

она улыбнулась весело,

А потом ушла в туалет

и себя за шею повесила.

Вот висит она, видите, на окне...

Ой, смешно, не могу! Ой, смешно мне!

15.05. 2018

Сегодня плов без мяса и без риса;

В постели – виртуальная актриса,

И цифра «ноль» на банковском счету.

Круг дружеский? В единственном числе я,

Созвездия бредут, мыча и бляя,

И привкус vitae tedium во рту.

Июнь, 2018

ZAUR

Азербайджан

КАЛЕЙДОСКОП. ЦВЕТНОЕ

...Подперев голову рукой, она сидела в детской и слушала, как сопят во сне сыновья.

Всё, о чём в жизни мечтает любая женщина, состоялось. Почти.

Картинка счастья, которую она рисовала в своём воображении долгие годы, сложилась, как в детском калейдоскопе – игрушке, каких сейчас, наверное, не выпускают. Замужество, мальчишки, достаток в благополучной европейской стране.

Рисунок был такой красивый, что по закону жанра не мог удержаться в сохранности слишком долго – видно, у Бога дрогнула рука, и из картинки стали выпадать детали, она стала неполной.

По каким-то, лишь ему ведомым причинам, подсуевшись, скорее всего, к молодой, ушел муж.

Пришлось вспоминать собственную молодость и устраиваться в больницу медсестрой – не могла же она оставить семью без средств к существованию.

Теперь каждый вечер, укладывая малышей, она читала им сказки, а когда они засыпали, долго просила всевышнего о счастье и здоровье для них и никогда, ничего не просила для себя, считая, что бог испытывает ее душу на прочность – только и надо: потерпеть и подождать.

Думала, что, наверное, время еще не пришло – пройдет несколько месяцев или год-второй, она встретит достойного человека, который полюбит ее и будет хорошо относиться к детям. Тогда она не будет по ночам кутаться в одеяло и плакать в подушку.

Картинка обязательно сложится – будет, конечно другой, но снова красивой, намного лучше прежней.

*

...Он спустился в подвал и подошел к стойке. Хозяин заведения, зная привычки завсегда-таев, выставил стакан и рюмку. В стакан на глаз налил сто пятьдесят водки, а в рюмку айран.

Залпом опрокинув в рот спиртное, айран пил так, словно это сладкий ликер – всасывал сквозь зубы и смаковал на языке. Бросив на прилавок несколько монет, отсалютовал духанщику и вышел.

Февральский ветер трепал свободный конец обмотанного вокруг шеи старого шарфа – он сунул его под засаленный воротник куртки и запахнул полы. Не обходя луж и не глядя на прохожих, пошатываясь брел по улице.

Зайдя во двор, медленно поднялся по деревянной лестнице. Едва шаркнув подошвами о затертый, старый половик, прошел в комнату и сел в жалобно скрипнувшее кресло.

Включил старенький телевизор и начал бесцельно щелкать пультом – новости, футбол, кино, клипы – все равно, шум с экрана нужен как фон, под него легче заснуть.

Даже воображение не радовало его разнообразием картин, рисуя всегда один и тот же натюрморт – стакан с водкой и стопарик с айраном на покрытой жестью, грязной стойке забегаловки.

*

...Постепенно все устоялась, она успокоилась – новый рисунок хоть и не был ярким и радостным (или это ее восприятие стало другим), но, как известно, лучшее – враг хорошего, с этой мыслью она шла по жизни, воспитывая сыновей.

Спустя несколько лет, когда они стали постарше, привезла их в родной город, в котором прошли ее детство и молодость, в котором много лет назад она встретила свою первую любовь.

Ей очень хотелось увидеть его – она представляла себе эту встречу по нескольку раз на дню...

Вот, наконец, тот дом, третий этаж, знакомая дверь – она постучала. Никто не открыл. Набрала старый номер его мобильного, но голос оператора сообщил, что такого номера не существует.

Услышав детские голоса, выглянула соседка. На вопрос, где хозяин, ответила, что никого не знает, поскольку сама снимает жилье, а здесь тоже живет квартирант, но приходит поздно и не всегда, так как работает в море. По ее просьбе, она связалась с хозяином своей квартиры, но тот сказал, что у него нет ни телефона, ни адреса соседа, и вообще, он с ним не знаком, так как сам никогда в этом доме не жил.

Она оставила женщине номер, попросив, чтоб та передала квартиранту просьбу связаться с ней.

Спускаясь по лестнице в расстроенных чувствах, шикнула на расшалившихся сыновей. Где искать человека – неизвестно, и успеет ли она что-нибудь сделать, пока будет в городе?

Стоя на улице, в надежде увидеть любимое лицо, она разглядывала прохожих.

Никого, даже близко похожего. Зеленщица, мужик – «сигарет сатан», мальчишка – чистильщик обуви, продавцы цветов, газет, сладкой ваты и спешащие по своим делам мужчины и женщины, молодые и не очень, смеющиеся и серьезные.

Подойдя к плохо одетому человеку, торгующему бубликами с кунжутом, непонятно почему называющимися «смит», предложила лакомство детям, но они закапризничали, сказав, что хотят гамбургеры и картошку-фри.

Она купила один – продавец, надев на руку целлофан, снял с палки вставленной в стенку плетеной корзинки бублик и протянул ей. Отломив кусок хлеба, вспомнила давно забытый вкус и повела детей в Макдональдс.

Пока она была в городе, приходила сюда каждый день, спрашивала соседку, есть ли новости для нее, не приезжал ли квартирант, но все было тщетно.

Возвращаясь в номер гостиницы, запиралась в ванной и давала волю слезам.

Напрасно я сюда приехала, – ругала она себя, – все бесполезно. Даже если бы встретились, что бы это изменило?..

По дороге в аэропорт попросила таксиста еще раз проехать мимо его дома. Опять все те же персонажи: лоточники, молодежь у дверей бутиков и ресторанов, и прохожие, прохожие – ни одного знакомого, у кого хоть что-то можно было спросить.

Дети попросили сладкую вату, она взяла им по палочке с розовой пушистой массой, а себе купила пару бубликов.

Этой же ночью она улетела домой.

*

...Ничто не помогло ей разглядеть в бедно одетом человеке с красным, испитым лицом своего первого мужчину, а он, едва услышав фразу: «Один «смит» – вздрогнул, узнав голос.

Протянув попку, царапнул взглядом по ее солнцезащитным очкам, окончательно убедился, кто перед ним.

И лучшее для обоих, что он мог сделать в этой ситуации – опустив голову, свел к нулю шанс узнать себя.

Всю неделю, продавая ей бублики, он молчал.

Если бы она его все же узнала, он бы сказал, что ханум обозналась.

Для всех тех, кто был ему дорог, он давно умер, и не осталось никого, кому был дорог он, а будущего после того, как скрылось за поворотом ее такси, уже просто не существовало.

...Чёрные стёклышки в калейдоскопе его иссушенного алкоголем сознания сложились в пафосную фразу, запомнившуюся с детства – FINITA LA KOMEDIA.

СЛАДКАЯ КАША НА ВОДЕ

Я люблю каши. Все равно, какие. Рисовую, манную, овсяную.

Мама просыпалась рано, шла на кухню варить мне кашу, и когда она была готова – начинала булькать и издавать звук «пш-ш-ш-пш-ш-ш», мама заглядывала в спальню:

– Вставай, соня, твой завтрак готов.

Не заставляя себя просить дважды, я вскакивал, топал в ванную, и наспех умывшись, шел к столу.

Ел хорошо, вызывая у мамы счастливую улыбку, а своими художественными изысками на поверхности каши всегда смешил ее.

Она смеялась и говорила:

– Ешь давай, не балуйся, а то остынет.

– Не остыне-ет, не успе-ет, – я отправлял в рот очередную ложку, – вкусно-о-о.

Мама целовала меня в макушку и шла одеваться.

Мой папа работал в другой стране, и мама очень долго ждала его из командировки.

Мне было всего четыре года, когда однажды днем, после непонятной мне суеты, в доме появился незнакомец. Мама подтолкнула меня к нему, и сказала:

– Иди, поцелуй – это твой папа, – я послушно дал себя обнять, и строгий, седой дяденька в очках, подняв меня на руки, уколол мою щеку щетиной.

Утром следующего дня мама проспала и не разбудила меня. В спешке, собираясь на работу, сказала папе, чтоб он приготовил мне на завтрак кашу – ведь сам папа не имел никакого представления, что любит его сын.

Я спал, а папа, открыв холодильник, не нашел в нем молока.

Какие проблемы – сейчас, пока малыш спит, спущусь в ближайший магазин и куплю пакет молока, – подумал папа.

Он же не знал, что мама варила мне кашу на воде, добавляя лишнюю ложку сахара и лишний кусочек масла – молоко я не любил, капризничал, поэтому она никогда не портила мне аппетит и себе настроение.

И еще папа не знал, что меня нельзя оставлять одного – я боюсь оставаться один. Я ведь совсем еще маленький мальчик.

Видно мама так была рада папиному возвращению, что забыла утром сказать ему об этом.

Я проснулся, потянул носом, но, не учуяв знакомого запаха с кухни, позвал маму – никто не откликнулся. Позвал еще раз – ответом была тишина.

Я вылез из кровати и отправился на поиски взрослых. Никого. Я заплакал и вышел на застеклённый балкон.

У окна стояла старая коляска, в которой я спал, когда еще не умел ходить – так мне мама рассказывала. Залез на нее и, открыв окно, хотел посмотреть, не идет ли мама, или седой дяденька, которого надо называть папой.

Высоты я несколько не боюсь, ведь мы живем на пятом этаже, я привык – это не то, что остаться одному.

Выглянув, я позвал маму. Снизу на меня мякнула кошка. Высунулса дальше, чтоб посмотреть, не появился ли дяденька-папа из-за угла, но вместо этого вдруг увидел улетающие в небо тополиные ветки и парящее среди листьев вперемешку с облаками стирание соседское белье, а вот разбегающихся кошек я уже не увидел.

Не увидел, как вернувшийся во двор с пакетом молока, дяденька-папа бежит ко мне с перекошенным лицом, не пошел в школу, не подрался с одноклассником, не поцеловал первую девочку, а главное, не увидел больше свою любимую маму и не поел приготовленной ею сладкой каши.

Анна ПОЛЕТАЕВА

Армения

* * *

А ближе к концу у тебя остается так мало,
Так мало живых, от которых тепло и светло.
Всех тех, кого ты так по-детски

на пальцах считала,
Молясь, чтобы дольше – и легче –
и просто везло.

И вот – разгибаешь упрямо сведенные пальцы,
Пошгучно, поштучно – и скоро окончится счет...
А кто-то тебя сосчитал – и не хочет прощаться,
По-детски надеясь, что этим тебя сбережет.

* * *

Когда танцуют люди гор –
Всерьез танцуют, не для смеха –
В кольцо сжимается простор,
И отдается время эхом.
Друг другу руки положив
На плечи, каждый утверждает:
Я человек, я здесь, я жив!
Я то, что смерть не забирает:
Я – мой народ. И каждый шаг
Мной за века стократно прожит.
Я – эти камни. Их душа
Во мне, приемлющем без дрожи
И дар небес, и приговор,
И кровь, и память, как иначе...
Когда танцуют люди гор,
Всерьез танцуют – горы плачут.

* * *

Мой первый дракон,
говорила с улыбкой Принцесса,
Был мелкий, смешной
и весьма обаятельный ящер.
Украл он меня, полагаю, лишь ради процесса,
И брату назло – ну,
и к славе драконовской вящей.

Мы жили с ним тайно в чудесной
бамбуковой роще,
Пока не узнал обо всем венценосный родитель.
Пришлось возвращаться – с драконами,
видишь ли, проще
Общаться порой, чем с отцами... Родная обитель

Мне скоро настолько постылой и тесною стала,
Что я поспешила удрать из нее
с первым встречным –

А встречный дракон оказался
занудным и вялым,
Хотя и не злым – по драконовским меркам,
конечно.

Я долго терпела его заунывные речи –
Не знаю, зачем... Мы, принцессы,
порою с приветом –
Но всё же решила уйти после
радостной встречи
С прекрасным драконом –
известным и нищим поэтом.

О, эти поэты... Чисты и наивны как дети –
Что им не мешает усесться на женскую шею.
И влюбчивы, черти – ну,
что ты поделаешь с этим,
Он мне изменил с самой глупой
пастушкой своею.

А дальше был ты, моя радость...
Совсем не похожий
На всех этих змеев –
лицо и душа нараспашку...
Но каждой весной проступают
чешуйки на коже –
И кажется, крылья растут
на спине под рубашкой.

* * *

Пошевелив полою мантии
И поглядев на нас с тоской,
Король сказал: а где гарантии,
Что новый будет не такой,
Как я, которого поносите
Вы десять лет уже подряд?
Ну, вы, Величество, как спросите,
Что ни вопрос – то чистый яд.
Да нет гарантий, разумеется,
Ни от чего и никогда –
Но каждый раз народ надеется,
Что будут лучшие года.

Что жизнь настанет небывалая,
Что дело было в короле,
Что королевство обветшалое
Вдруг станет лучшим на земле...
И пусть наивны мы по-юному,
Но наши помыслы чисты –
И не прикрыть уже трибунами
Бесстыдной вашей наготы.

* * *

на двадцать пятом кадре
он скажет алекса́ндре
что их не существует
вне кадра и любви

что всё лишь пятна света
он ультрафиолетов
свернет на кольцевую
да ладно, не реви

на двадцать пятом кадре
влетаю я в скафандре
и говорю ей: слушай
не слушай этот бред

вы есть и вы живые
вы просто мировые
спасите наши души
летающие на свет

* * *

Если б я была индейцем,
Я жила бы беззаботно:
То охотилась толпою,
То смотрела мудро в даль б.

Но куда от кармы деться?
Вроде мирно жизнь идет, но
Тут нагрянули б ковбои,
Чтоб добыть индейский скальп.
Если б я была евреем,
Я играла бы на скрипке
Лучше всех в подлунном мире,
Залы за душу беря.

Но однажды эмпиреи
Захлестнул бы ужас липкий,
И чудовище в мундире
Нас загнало б в лагеря.

Если б я была армянкой...
Впрочем, я и так армянка.
И живут в армянском сердце
Ожидание беды

И готовность стать беглянкой,
И индейская землянка,
И кусочек ткани желтой
Для Давидовой звезды.

* * *

Ко мне в друзья стучится бывший –
В другую жизнь давно уплывший
Ни честь, ни совесть не храня.
Зачем стучится – непонятно,
Так много лет считавший пятна
На Солнце имени меня.

Как будто я его судила –
И дело давнее закрыла,
На полку к прочим положив...
Но то не суд был – смерть поэта.
И вдруг воскрес он в лимбе лета –
И притворился, будто жив.

Ну, здравствуй, призрак драгоценный...
Каким заезжим авиценной
Ты оживлен на этот час?
Покойся с миром, ради Бога,
Не появляясь у порога,
Прошу тебя...
Точнее
Вас.

* * *

Из августа, который не со мной,
А с этой взрослой женщиной усталой,
Выхватывая буквы по одной,
Пишу тебе о том, что с нами стало.

О том, что время сгнуло в борьбе,
О том, что жизнь, кивнув, проходит мимо.
О том, что я скучаю по тебе,
О том, что лето кончилось, любимый.

А горы тут всё так же высоки,
И в воздухе любовь, чабрец и хвоя,
И нет причин для смерти и тоски,
Но листья всё же падают – по двое...

Ну, чем не звезды? Можно каждый раз
Загадывать по два желанья сразу.
Я загадала времени для нас
И сил на заключительную фразу –

«Как лист увядший падает на грудь»
(На душу, помню – но Цурэн уступит),
Так я скажу тебе когда-нибудь...
В том сентябре, который не наступит.

Баадур ЧХАТАРАШВИЛИ

Грузия

Из цикла «Наставники»
СПАРТАК ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ

– Философия без диалектики, всё равно, что мужчина без пениса – вот вам и Фейербах!.. Сейланов, фальшивый лгун, выйди вон из аудитории!
– За что, Спартак Михайлович? Что я сделал?
– Родился!

Или в следующую лекцию: «Метафизика есть инструмент кастрации чистого разума, а Гегель был пустоголовым букварём. То же мне – гуманист-общественник...»

Спартак терпеть не мог Фейербаха, истово ненавидел Гегеля, терпимо относился к Декарту, уважал Канта, почитал Мамардашвили (впервые я услышал тогда имя неугодно-власти мыслителя), с которым состоял в дружбе, и боготворил запрещённого Ницше. Церковь считал зловредной конторой, попов презрительно обзывал некрофагами. Заслышав словосочетание «диалектический материализм» впадал в неужённую ярость, при упоминании же материализма исторического мог вступить в рукопашную. Но Гегель оставался главным раздражителем его бытия — чихнув ненароком, раздражался саркастической филиппикой: «Ну-с, является ли сей чих абстрактной идеальностью смены специфической внеположности материальных частей и её отрицания, или это всего лишь механическое колебание газообразной среды, в нашем случае — воздуха, вызванное защитным безусловным рефлексом, обеспечившим удаление из средней раковины моего аристократического обонятельного органа частичек пыли, которыми я надыхался по вине нерадивых наших уборщиц? – Шарлатан (Гегель)!

Поговаривали – за диссидентские настроения предоставили некогда Спартаку возможность ознакомиться с интерьерами Ортачальского училища, однако нашёлся высокопоставленный покровитель, и слегка помятый карбонарий был отторгнут пенитенциарной системой, и даже восстановлен

в должности доцента кафедры философии славного нашего Политеха.

Был сухощав, аскетичен – пламенеющий взор фанатика, запавшие виски, встрёпанная седая шевелюра, рельефный профиль – холеричен и... добросердечен и отзывчив.

Философию не прогуливали даже самые отпетые – аудитория всегда была забита до предела. Одуревшие от зубодробительной теории упругости и непредсказуемых кунштюков свободно изливающегося водного потока, у Спартака мы отдыхали умом и сердцем.

Собственно лекции сводились к страстному монологу критика и обличителя господствовавшего тогда на одной шестой части земной суши учения основоположников «нового», как они сами его именовали, материализма: – Парочка этих мужеложцев предсказывала приход социализма, как неизбежный исторический процесс, и в то же время в целях принудительного обустройства «исторической неизбежности» организовала партию демагогов и приспособленцев – профанаторы, фальсификаторы, охмурители хуже попов, авантюристы, проходимцы, жулики... .. этот любитель чужих жён, видите ли эпохальное открытие совершил: существует, оказывается, разница между себестоимостью товара и его рыночной ценой, и от того, что он, узаконенную естеством человеческим со времён Адама и Евы маржу обозвал прибавочной стоимостью, мы, представьте себе – переместились в новую фазу понимания бытия – аферист!!!

Семестр подходил к концу, мы с чрезвычайным любопытством ожидали логического завершения процесса.

В день экзамена Спартак был сдержан и строг. Велел старосте группы собрать зачётки, сложить их перед ним в алфавитном порядке по убывающей. Начав с верхней, позвал владельца, вписал в нужную строку жирный тройка, вручил зачётку счастливцу и потянулся за следующей. Всё действие творилось в абсолютной тишине, только чахоточная весенняя муха надрывно зудела, пытаясь

пробуравить замызганное оконное стекло. Таракану, который принялся было качать права – мол, у меня одни пятёрки и четвёрки, зачётку испортите, показал изящный кукиш и нехорошо улыбнулся. Зубрила умолк, ушёл четырёхугольной головой в крепенькие плечи, и, прихватив стандартный трояк, слинял.

Я, естественно, был зван к жертвеннику последним. Спартак глянул на драные мои джинсы, на патлатую головушку, рассмеялся и неожиданно нарисовал в зачётке аккуратную пятёрку.

– За что, Спартак Михайлович? — искренне удивился я.

– За то, что родился! Иди уже, ницшеанец хренов...

Из цикла «Поэтизмы, посмеихи и замыслеватости»

*Пред ликом вечности
будь краток, сочинитель!*

Щенок и мыльный пузырь: – До чего же криводушен, притворен этот, казалось бы, ладный мир: вот – беззаботно кружится в лучах солнышка ясного шарик многоцветный, переливчатый, блестящий, и так он пригляден, так казист, – неуёмное хотение зубом его испытать нападает: ведь не может такая красота не порадовать ожидальщика вкусом тонким, повадным, – куснёшь... и какая же это, оказывается гадость! Верь после этого приманкам завлекательным, говорю же – обманый мир!..

Самая первая азбука – цветочная, она существовала ещё до древесной.

Полевые цветы – это буквы и складываются они в письмена, которые мы, увы давно разучились читать. А вьющиеся над письменами бабочки – это души умерших, которые Беткил отпустил на небо.

Всё меньше среди живых найдёшь поэтов, что подобно героям Гофмана испытуют пре-

бывание в околдованности романтической мечтой, ведущей их при встрече с прозой жизни к гибели, которую, впрочем, они, как и подобает крестникам Пиерид, встречают с робкой гордостью: так принимают чашу с цикутой или терновый венец.

Чем пахнет от бродячего кота? – испугом мыши и чердачной пылью.

А побродяжка пёс? – разит кошачьим пере-
пугом и палбю листвою

Существует поверье, что старые боги не сгинули, но по сей день скитаются они по земле, растеряв былых почитателей.

Порой их можно встретить на площадях древних городов в обличье бродячих музыкантов. Иногда, дабы разжиться бутылкой-другой доброго вина, нанимаются они сборщиками винограда где-нибудь на юге.

Случайные знакомцы не умеют распознать их сверхъестественную природу – боги старательно утаивают свою сущность, но, стоит им уединиться за скромной трапезой, сбрасывают они человечьи личины и предаются воспоминаниям, осенённые отсветами былой славы...

НОСТАЛЬГИЧЕСКОЕ

И вдруг потянуло в мороз, в непогоду, куда-нибудь вглубь, к замшелым болотам, и чтобы ольховник посватался к елям, и ворон искал бы морошкины слёзы, ржавой клешней снежок разгребая, и чтоб королёк сражался с Бореем, подставив порывам упругую грудку, и щука из проруби глянула б хитро, и чтобы толмач пританцовывал рядом, носком ударяя об стылую землю, ибо, – слюнявя окурков стенает Широков: – Мехалыч, та шпонька зачичрела, дрягается, сцука!

Чтоб Дед уже баньку стопил и взывал:

– В божию душу, в тринадцать икон – уха остывает и водка степлилась!..

* * *

Друг дорогой, снова тебе привет,
Айсбергов вечных, северной стужи тезка,
Если, взглянув наверх, не увидишь свет,
Знай – это усталость неба, а не извѣстка

Тихо крошится мимо твоих ресниц,
На потолке оставляя кривой кораблик,
Это усталость облака и весны,
Это опять наступаешь на те же грабли.

Мечется снежный ветер как заводной,
Просится в каждый выдох и вдох твой
каждый,
Может быть, мы не пойдѐм гулять, заодно
Не улыбнемся при встрече и не расскажем

Как там дела, что там нового и вообще...
Не посидим у окна, на скамейке, рядом.
И я не буду в черных туфлях, в плаще
Долго следить за луной, не отрывая взгляда.

Вот уже пять, уже шесть, уже семь.
Вот затевается пятничный вечер шаткий.
Вот человек, уходя от меня насовсем,
В строчках моих забывает зонты и шапки.

* * *

Мы ходим мимо женщин и мужчин,
Мы помним даты грустных годовщин,
Вечерний сумрак ластится к коту,
И ветер сочиняет пустоту.
А все-таки, как жаль, что ты не знал
Какое-нибудь морзе, дал бы знак.
Нам рассказал бы об иных мирах,
Как будто бы совсем не умирал.
Но ты не знал, поэтому тихи
Прогулки в дождь, поэтому – стихи.

* * *

Так и будешь ниже травы и тише...
Меньше шепота, вишни, лишним.
Отбиваясь от памяти, схоронившей

В твоём горле слово о самом главном.
Разучившись спать, направляясь плавно
В земноводный космос. Теперь по плану –

Навсегда поселиться в холодных мыслях,
Отразиться в камне, в коротких числах,
Мимо поля, леса, воды речистой

Навсегда уплыть, превращаясь в строчку,
Бесконечным сном измеряя ночи.
Без записок, писем, тире и точек.

* * *

Друг дорогой, улыбнись, ни о чем не думай,
Это всего лишь тихая праздность и сумма
Запахов моря, лаванды и трав каких-то
Или деревьев, возможно, так пахнет пихта.
Так, вероятно, поет удод – слышишь?

– близко.

Утро ступает по горной тропе Ликийской,
Делит длинное время на ровные половинки.
Город, застывший, будто для фотоснимка:
Камень, соль, голубая вода в деревянной
раме.

Сделаешь фото – вновь потянутся к храму
Чудные люди, на рыночной площади Миры
Сладко запахнет хлебом, рыбой и сыром,
Бойкий купец развернет разноцветные
ткани.

Но даже здесь слова перетянут камни,
Следуй за ними – за путеводной нитью,
Переходя черту, океан, рубеж, горизонт
событий.

Ованес АЗНАУРЯН

Армения

БАРХАТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

1

Узкая, чешуйчатая дорога потрескавшимся асфальтом извивалась вниз, иногда собираваясь по-змеиному в кольца, иногда выпрямляясь. По обе ее стороны небольшие островки битого бурого камня перемежались с такими же небольшими окровавленными островками маков и не растаявших с самой осени снегов. В основном же, была сплошная – Да обгони ты этот драндулет уже! Сколько мы можем за ним ползти? Серьезно!

– Не могу. Дорога узкая и много поворотов, – спокойно ответила молодая женщина. – Да еще снег пошел. Ты помнишь, что пошел снег? Ты, конечно, не помнишь, что пошел снег. Ты ничего не помнишь... – Женщина продолжала говорить спокойно, хотя, если б мужчина не был так пьян, он бы уловил в ее голосе холод и некоторое презрение. Женщина взглядом не “отпускала” едущий впереди, в метрах десяти, старый помятый желтый “жигуленок”, набитый молодыми людьми, которые что-то кричали. По мере того, как белый ее мерседес спускался по узкой ленте серпантина все ниже и ниже, оставляя позади высокогорное озеро Кари*, находящееся в каких-нибудь пятистах метрах от Южной вершины четырехзубого Арагаца**, мужчина все больше пьянел. Так всегда бывает, когда спускаешься с горы. Там наверху из-за разреженного воздуха почти не чувствуешь опьянения, но, стоит тебе спуститься на несколько десятков метров ниже, то ты уже не можешь удержаться на ногах.

– И снег был, и твое купание в ледяной воде озера тоже было.

* Кари — высокогорное озеро в Армении, расположенное на склонах горы Арагац, на высоте 3207 м над уровнем моря, имеет ледниковое происхождение.

** Арагац - изолированный горный массив на западе Армении, четвертый по высоте в Армянском нагорье и самый высокий в современной Армении. Высота горы составляет 4090 метров (4095, по данным Смитсоновского института). Протяжённость горного массива с востока на запад до 40 км, с севера на юг – до 35 км. Склоны в их нижней части покрыты лесом, выше — лугами. (Википедия)

– Допустим. Но давай ты пересядешь на заднее сидение и попытаться заснуть. Я не хочу тебя тащить на себе к твоей мамочке на четвертый этаж.

Молодой мужчина, кряхтя, падая несколько раз обратно, все же перешел назад и лег на заднее сидение, по-детски свернувшись калачиком. Не отрывая взгляда от едущей впереди желтой машины, Анжелика сняла с себя куртку и кое-как укрыла Альберта. Урод ты, Альберт джан! Измазал ботинками все сидения и ковры! Хорошо, что его не рвет... – подумала она и только тогда заметила в зеркале заднего вида, едущую за ее мерседесом “газель”. – Туристы, должно быть. Может, действительно обогнать этих.

Но минут через десять желтый “жигуленок” сам резко притормозил, дернулся влево и остановился, перекрыв дорогу. Включив аварийки и нецензурно выругавшись, остановилась и Анжелика. Она услышала, как сзади застонала тормозами “газель” с туристами. А потом пошел снег. Далеко на западе, под толщей облаков был виден закат. Красивый и далекий. И краешек солнечного диска бросал свет на такую же далекую и большую гору Арарат. Казалось, снег идет только на этом участке дороги, на склоне. Из “жигуленка”, в котором играла громкая музыка, вышли пятеро молодых мужчин и направились к белому мерседесу.

– Кур*** джан! Все! Дальше никто не поедет, – закричали молодые люди.

Анжелика опустила стекло и нарочито вежливо поздоровалась.

– Почему вы перекрыли дорогу?

– Революцию делаем! Осуществляем мирную акцию гражданского неповиновения!

– А какой смысл перекрывать эту маленькую дорогу? Перекройте трассу внизу. Зачем перекрывать эту “тропинку”? Там сзади, кажется, туристы в “газели”. Вы их пропустите, нет?

– Нет, их тоже не пропустим! Революция для всех!

*** Сестра (арм.)

Из “газели” вышел водитель (седой старик, прихрамывающий на правую ногу) и подошел к парням.

– Бари ереко, тхерк’ джан. Там у меня туристы. Им надо успеть на самолет...

– Правило для всех!

Седой старик не стал пререкаться, и пожав плечами, пошел своей походкой в три четверти такта обратно в свою “газель”. Туристы же все высыпали на дорогу и начали фотографировать снег и парней из желтого “жигуленка”.

– Свободная! Независимая! Ар-ме-ни-я! – заорал один из парней в черной кожаной куртке поверх белой майки, на которой был портрет Паруйра Севака^{**}. Остальные четверо молодых мужчин тоже проскандировали: – Свободная, Независимая Ар-ме-ни-я! Когда они перестали кричать, Анжелика сказала:

– Может, все же поедим, а? Тут у меня сзади человеку плохо.

– Да он просто бухой! Нет, куро джан. Не выйдет. – Парень с Паруйром Севаком на груди широко стал разглядывать Анжелику. – Чего ж он так набухался-то? Твой муж? Как же он тебя будет защищать, в случае чего?

– В случае революции? – съехидничала та, хоть и, надо признаться, испугалась.

Вряд ли ее защитит хромой водитель “газели”, или эти туристки... Филиппинки? Китайки? Вьетнамки?

Когда туристки, выйдя из “газели”, подошли к группе молодых людей, окруживших мерседес Анжелики, один из парней крикнул:

– Куча китайцев! – Он был моложе всех. Хоть и был таким же, как остальные, бородастым, курчавым, и на голове у него была идиотская ковбойская шляпа. – Меня зовут Симеон, – представился он. – Не Симон, а Симеон.

Анжелика не смогла сдержать смех.

– А меня зовут Клеопатра, – сказала она и опять рассмеялась.

– Аваг, слышал? – сказал Симеон своему другу в майке с портретом Паруйра Севака.

– Ее зовут Клеопатра.

Тот махнул рукой:

– Врет. С тем же успехом меня зовут Уинстон Черчилль. Но меня не зовут Уинстон Черчилль, меня зовут Аваг.

– Аваг у нас книги читает, – объяснил вежливый, молоденький Симеон.

А потом остальные, нагибаясь к окошку мерседеса, представились:

– Ишхан, Павле, Завен...

– Клеопатра, очень приятно! – заупрямилась Анжелика.

2

– Послушай, Клеопатра джан. – сказал Павле. – Все равно мы перекрыли дорогу.

Выходи, поедим, пообщаемся. У нас в багажнике шашлык есть. У нас вино есть. Китайцев тоже пригласим... Эй, варпет^{***}! – крикнул он водителю “газели”. – Не сиди там, как обиженное облако. Иди к нам, хоровец^{****} поедим. – Потом опять Анжелике: – А твой муж пускай спит.

– Да не муж он мне! Он мой друг.

– Олигарх? – спросил Завен, самый высокий среди всех, накинувший на плечи, подобно мушкетерскому плащу, государственный флаг Республики Армения. – Это он тебе машину подарил, ес драмере^{*****}?.. – выругался он.

– Аствац им^{*****}! Какой из него олигарх?! Разве олигархи такими бывают?.. Он программист. А машину я купила сама. Я дизайнер.

– Тогда выходи! Отпразднуй с нами революцию! – строго сказал Ишхан. В руках у него было радио, из которого доносились звуки прямых подключений с места ереванских событий радиостанции “Свобода”.

– Холодно. – мрачно сказала Анжелика и подняла стекло.

Аваг, Павле, Ишхан, Завен, Симеон пошли к “жигуленку”, а Анжелика стала разглядывать туристок. Куча китайцев! – мысленно процитировала она и рассмеялась.

– Ишхан! Что говорят по радио? Новости есть? – спросил Аваг.

– Все дороги перекрыты. И еще час будут перекрыты.

– Когда мы дорогу откроем, поедим в Ере-

*** Мастер (арм.)

**** Шашлык (арм.)

***** Я его маму... (арм.)

***** Боже мой! (арм.)

* Добрый вечер, парни (арм.).

** Паруйр Рафаэлович Севак (1924-1971) — армянский поэт..

ван и присоединимся к Революции. Знаешь, помню из детства, радиостанцию “Свобода” можно было поймать только на вершине Арагаца. В других местах “совет” глушил. А теперь запросто: включил – и слушаешь. Да еще на армянском языке.

– Но ты же простой пастух, – рассмеялся Завен. – Зачем тебе радиостанция “Свобода”?

– Старшие слушали, вот и я слушал, – рассмеялся тоже Аваг. – По-твоему, раз мы пастухи, значит, ничто нас касаться не должно? Вот почему мы едем в Ереван? Потому что надо. Потому что это важно, что в Ереване происходит. Потому что мы не можем говорить, как раньше – “мы и наши горы, а вы кто такие, вашу мать?” Теперь уже нельзя.

– Ну, тебе виднее, – отозвался Павле, вечно мрачный, вечно холостой. – Ты сказал, надо ехать, вот мы и поехали. Лично я за то, чтобы сняли с должности нашего гюхапета*. Ишхан расхохотался:

– Да, пускай снимут, пока ты его не убил.

На это Павле весьма однозначно выразил свое отношение к матери гюхапета.

– Главное, чтоб гюхапетом назначили кого-то из села. Любого. А мы его как-нибудь воспитаем. Сами. – Завен пинком о колесо “жигуленка” показал, как он собирается воспитать будущего гюхапета.

– Хватит! – строго сказал молоденький Симеон. – Берите мясо, лаваш, вино, сыр и несите!

– Куда ж нести? – удивился Павле.

– На капот Клеопатры и несите!

З

– Правильно!

Видя приближающихся к мерседесу молодых мужчин, Анжелика опустила стекло.

– Клеопатра джан, – сказал Симеон. – Мы это все сюда поставим. Ничего? Ты же не против.

– Да делайте, что хотите! Только возьмите из багажника одеяло и постелите. Вы мне капот исцарапаете!

– Ну, капот да! Не из золота же! – удивился подошедший Павле.

Мужчины на капоте белоснежного мерсе-

деса накрыли настоящий стол, из “газели” в ритме весеннего вальса подошел старый водитель, туристки заговорили быстро-быстро и перестали фотографировать.

– Уважаемые китайцы! – важно сказал Аваг, подняв пластиковый стакан с вином. – Давайте вместе отметим нашу Революцию!

Одна из туристок защебетала:

– Not Chinese, but Filipinos**.

– Что она сказала? – спросил Ишхан.

– Сказала, что они с удовольствием выпьют за нашу Революцию, – легко перевел Завен. Все стали есть, пить, Павле в “жигуленке” включил музыку на полную мощность. Туристки, часто кивая, восторгались и вином, и мясом, и сыром.

– Аваг, – сказал Павле. – Скажи им, чтоб они в своем Китае тоже сделали революцию. Революция – это хорошо. Главное, чтоб она была мягкая. Как она называется-то у нас?

– Бархатная!

– Вот именно!

– Вот человек! – рассмеялся Аваг, и, казалось, рассмеялся вместе с ним и портрет Паруйра Севака на груди. – Какое тебе дело до Китая? Ты свой хоровоц ешь, вино пей. Нам бы пока свою как-нибудь переварить... Вежливый Симеон завернул в лаваш пару кусков мяса и принес Анжелике.

– Это тебе, Клеопатра джан. Нехорошо. Мы все едим, а ты смотришь.

Анжелика улыбнулась и взяла лаваш с шашлыком:

– Спасибо! А из какого вы села?

– Бердашенские мы. Это не очень далеко отсюда. На другом склоне Арагаца. Я плотник. Аваг, Павле, Завен, Ишхан – пастухи.

– Вы хорошие, – сказала Анжелика.

– Конечно, хорошие! – заулыбался, смущаясь и краснея, Симеон. – Видишь, какой пикник мы устроили!

– Революционный пикник! – рассмеялась она.

– А сейчас будем еще и танцевать!

– О, нет! – воскликнула Анжелика.

Но Симеон в своей дурацкой ковбойской шляпе уже открыл дверцу мерседеса, Симеон уже взял руку Анжелики, Симеон уже потащил ее из машины! И все – Аваг, Завен, Ишхан, водитель “газели”, турист-

* Глава сельской общины (арм.)

** Не китайцы, а филиппинцы (англ.)

ки-филиппинки, даже вечно хмурый Павле – захлопали и встали кругом, и Анжелике ничего не оставалось делать, как пуститься в пляс.

Как она танцевала в своем красном вязаном платье, держа в руке бутерброд! Как были плавны и изысканы движения ее рук! Как она наклоняла голову, как изгибалась ее талия!.. Анжелика танцевала так, как будто судьба всех революций на Земле зависела от ее танца. И она, казалось, понимала: если она не вложит в этот танец всю свою душу, все в этом мире полетит к черту, и все погибнет, и все будет напрасным, и не будет больше Радости...

– Хорошо танцует, чертовка, – широко улыбаясь и хлопая в большие, грубые ладоши, сказал Аваг. – Павле, хочешь такую в жены? – Эээ, Аваг! Танец свой танцуй, вай! Какое тебе дело до меня?

– Павле джан, веселись! Сегодня можно и нужно веселиться. Сегодня у нас Революция, ахпер джан!

– А завтра что? Опять сено косить да овец пасти?

– Конечно, Павле! И завтра, и послезавтра, и всю жизнь. Но только теперь уже улыбаясь. Что скажешь, Ишхан?

И неожиданно снег перестал падать. И небо прояснилось, и лучи далекого заката упали на склон горы Арагац и на узкую, всю в поворотах дорогу. Запыхавшаяся от танца Анжелика выпила стакан вина, вытерла рукавом губы и рассмеялась. Впервые за очень долгое время она почувствовала себя абсолютно счастливой. Потом танцевали филиппинки, потом мужчины (включая и хромого водителя) – ярхушту**, потом опять ели, потом опять пили...

– Передают, что дороги везде открыли. Вечером митинг на Площади в Ереване, – сказал Ишхан, послушав новости по своему радио. – Значит, надо уже собираться. Анжелика, удивляясь тому, как быстро пролетели полтора часа, стала помогать мужчинам собрать “со стола”, потом старый

хромым водителем с вежливыми туристками пошли в свою “газель”. А потом Аваг сказал: – Клеопатра джан, будем прощаться.

– А можно вас поцеловать? – неожиданно спросила Анжелика и, не дожидаясь ответа, подошла к мужчинам и поцеловала каждого. – Доброго вечера, Аваг джан, доброго вечера, Завен джан, доброго вечера, Павле джан, Симеон джан, доброго вечера!

Ух, как ты покраснел и застеснялся!

– Удачи на дорогах! – рассмеялся Симеон, снял ковбойскую шляпу и надел на Анжелику. Узкая, чешуйчатая дорога потрепавшимся асфальтом извивалась вниз, иногда собираясь по-змеиному в кольца, иногда выпрямляясь. До самой трассы они так и ехали – желтый “жигуленок”, белый мерседес” и позади – “газель” с тринадцатью туристками с далеких Филиппинских островов. Но когда уже выехали на трассу, Анжелика, просигналив троекратным приветствием, обогнала “жигуленок” и помчалась в сторону Еревана.

– Привет... Что ты так разогналась? И откуда у тебя эта идиотская ковбойская шляпа? Я что-то важное пропустил? – услышала она с заднего сидения.

– Ты все пропустил, Або джан. Ты проспал Революцию!

* Брат (арм.)

** Ярхушта – армянский боевой танец, который исполнялся мужчинами перед боем, для поднятия боевого духа и сплочения воинов (арм.)

Саида СУБХИ

Азербайджан

ЛЕТИ СО МНОЙ

Лети со мной – мы вышли за пределы,
без мыслей, без эмоций и без тела.
Смотри – в ночи смещаются планеты,
они малы, как медные монеты.

И пятна звезд молочными слезами
следят за нами лунными глазами...
Лети-пльиви со мной, моя Ундина!
Мы сплетены, мы слиты воедино.

Я не дышу: я больше не умею.
Я ничего на свете не имею.
Сотрем зрачки и пальцы, смоем кожу...
Ни на кого мы больше не похожи.

Танцуй со мной, моя Лесная Фея!
Мы заменили морфий на Морфея.
Пари со мной мистическим экстазом,
светилом, расплескавшимся на стразы.

Я больше не живу и не болею,
и никого на свете не жалею.
Планеты появляются, как дети,
растут, взрослеют, достигают смерти.

Лети со мной, Космическая Муза,
перетянув углы гипотенузой.
Мы спасены потоком скоротечным –
свободны, совершенны, бесконечны...

ДОЖДЯ БЫ

Дождя бы – проливного холодка,
но за окном так солнечно и сонно...
Теперь к бумаге тянется рука
не так, как прежде. Я все чаще склонна

к уединенью в щелях городских,
к раздумию, присущему деревьям.
Мой огонек как будто поутих,
не тербит пространства и мгновенья.

Уж третий час, прикинув лбом к руке,
я, замерев, сижу в плену молчанья.
Как точка среди многих вдалеке,
я где-то есть в ячейке мирозданья...

* * *

И я молчу и больше не пою –
отставим разговорчики в строю...
Твоя ли тень мерцает у плеча?
Рукой ее смахну я сгоряча...

Ловлю спиной колючий твой прицел.
Осечка – и герой остался цел.
Сомни меня в комок да брось в степи –
ты сердце не удержишь на цепи.

Пусть этот бой продолжится без нас.
Один успел, второй свалился в грязь.
Не поминай обидой, отпусти –
голубка рвется к небу из горсти.

Кольчугой стала вязаная шаль,
нависла дыма смуглая вуаль.
За мной – обрыв,
передо мной – черта,
а я уже не знаю ни черта...

И я уже – не я, не ты, не мы...
Мы пленены, и языки немы.
Оставь меня на стоптанном лугу
иль в облаке –
я больше не могу...

ТОСТ

За мой несостоявшийся рояль
и за Твою несбывшуюся скрипку
за встречный взгляд,
за наш с Тобой февраль,
ж-д вокзал и первую открытку.

За истину горчащего вина,
за вербы, за тюльпаны и за розы,
за то, что на двоих одна вина
и крест литературного невроза.

За то, что мы с Тобой, как Нет и Да,
как Инь и Янь, как черно-белый кадр,
за то, что на двоих одна – беда,
и кукуловод,
и кукольный театр.

За мысли вслух и за слова в блокнот,
за ночь, фонарь и улицу с аптекой...
За то, что на двоих одно окно,
и подоконник, и библиотека.

За музыку, музеи, поезда,
шум города и тишину природы,
за то, что на двоих одна звезда,
и Родина, и вера, и порода...

За то, что пьем с Тобой на брудершафт,
за эту дрожь мурашками по коже...
За то, что на двоих одна душа,
одна любовь,
и Бог,
и хлеб,
и ложе...

ПТЕНЧИК

Я, как из клетки вылетевший птенчик,
из всех аптек и оптик, и аптечек,
из всех больничек и госпиталей
бежала – что болей, что не болей –
от опухолей и иных болячек,
что я припоминаю наудачу,
которых мне не показалось мало...

Но я свое, похоже, отхромала...

ПОСВЯЩЕНИЕ СЕБЕ

Очнувшись от четвертого наркоза,
дойдя до алогичного конца,
я все же верю в Дедушку Мороза,
в Святого Духа, Сына и Отца.

В Мадонну, Магдалину и Матрону,
и в Гену с Чебурашкой, и в Ягу...
А вот в байду земного лохотрона,
как ни старалась – верить не могу!

Сойдя с чужих трибун и пьедесталов,
сбежав из всех больничек навсегда,
я осознала, что никем не стала...
Никем другим, а вот собою – да.

И вот, горя в немом уединенье,
со всей своей любовью – не к себе,
питаюсь светом, умываясь тенью,
я буду вновь протягивать к Тебе

свою уже не руку (что в ней проку?..),
а только лишь подобие крыла.
И то, что жизнь была ко мне жестока –
то ничего, зато она была...

Из всех своих смертей и возрождений
я извлекла одну лишь пустоту,
из лунных снов и солнечных видений –
одну лишь правду, да и то не ту.

А то, что мне осталось от любви,
я отдаю Тебе на сохраненье,
и эту плоть в малиновой крови,
и тишину, и все стихотворенья,

всю высоту, и всю несуету,
и голос свой, звенящий на лету
в той комнате на третьем этаже,
где я – уже не я,
где я уже...

ВСЕ ПРОЙДЕТ

Все пройдет – без вины и грусти,
без обид, безо всяких «но»...
Ветерок закачает люстру,
впопыхах распахнув окно.

Слезы – ветру, стихи – рассвету,
гордость – в пасти бродячих псов...
В небеса, запустив комету,
я сойду со своих листов...
Все пройдет – и совсем неважно,
кем-то быть или кем-то стать.
Отчего же тогда так страшно
и не хочется
умирать?.

АВГУСТ

Август – значит, скоро осень.
 Блекнут иглы старых сосен,
 пожелтевшая трава...
 Станут ржавыми дорожки,
 словно корка хлеба, крошкой
 рассыпается листва.
 Шелестит, шуршит, щекочет,
 смятой стелется простынкой
 под тяжелые ботинки
 загорелая пора.

Август – рыжеватый берег –
 между осенью и летом,
 между музой и поэтом,
 между былью и мечтой.
 Август – вишни переспели...
 Значит, снова не успели,
 доживая зной недельный,
 насладиться тишиной.

Август – значит, скоро утро,
 значит, неба перламутр
 станет пурпуром горячим
 и ошпарит небеса.
 Упадет волною алой
 на бесшумные вокзалы,
 рестораны, тротуары...
 На остывшие сердца.

УТРО

Я помню это утро: я стою,
 а ты лежишь под сонным одеялом...
 Я до Тебя, увы, не достаю,
 вот и стою – вот так и простояла,

как в горле кость, лет тридцать без пяти,
 нагая, как египетская кошка –
 в твоём углу и на твоём пути...
 Ты спи, я постою еще немножко.

Как звон в ушах, как лезвие страницы
 из справочника по психиатрии,
 как мать у входа в детскую больницу,
 как статуя Спасителя над Рио...

Как над Союзом – олимпийский мишка,
 как над Землей – космический Гагарин,
 как вдрызг ополоумевший князь Мышкин,
 как плачущий над библией викарий...

Как идол на алмазной колеснице,
 как писающий мальчик на картинке,
 как Менделеев над своей таблицей,
 как камешек в распоротом ботинке...

Как Квазимодо перед Эсмеральдой,
 как в линию влюбленный Амедео,
 как Моне Лизе верный Леонардо,
 как тот Ван Гог, тоскующий по Тео...

Стою у ног Твоих, как тень твоя –
 в тот самый день, на том же самом дне.
 И понимаю, что стою – не я,
 что это день, как тень – стоит во мне...

Марат ГАДЖИЕВ
 (Дагестан). Ночь нежна.
 Тушь, б.

Инга ЧХЕИДЗЕ

Грузия

СЕРОЕ И КРАСНОЕ

Илья не верил в гороскопы. И выражал свое неверие всякий раз, когда кто-либо касался данной темы. Он уже не помнил (да и знал ли когда-нибудь?), почему настаивал на том, что гороскопы – полная чушь, но продолжал упорно защищать свою точку зрения.

Вот и сегодня он раскрыл журнал – и тот выставил напоказ двенадцать колонок гороскопа. Илья фыркнул и пролистал журнал вперед и назад, но все кроссворды оказались уже решенными, а приевшиеся анекдоты – осмеянными. Илья отложил его. Но не прошло и минуты, как он снова взял его в руки, ведь ужасно скучно сидеть в туалете и ничего не читать.

Чтобы никто не подумал, будто он изменяет своим принципам (и не важно, что Илья был заперт в помещении площадью в четыре квадратных метра), он решил высмеять напечатанные на глянцевої бумаге слова. Илья даже заявил об этом вслух. Но, конечно же, шепотом, чтоб невидимый туалетный слушатель не принял его за сумасшедшего. Текст в столбик под заголовком «Скорпион» (а именно этим мелким гадом являлся Илья) гласил:

«Неделя будет для Вас благополучной. Приглядитесь к человеку в красном, возможно, именно с ним сведет Вас судьба».

Илья снова фыркнул. Он ненавидел красный цвет. Вот было бы написано «в черном» или «в сером», он бы... Нет. Даже тогда он не поверил бы.

Илья вышел из туалета, недовольно хлопнул дверью и остановился.

– Опять ты купила этот дурацкий журнал с гороскопом! – крикнул он спинке антикварного кресла, в котором разместился клубок колючего пледа. Над клубком покачивалась женская голова с каштаново-серебряными волосами.

Волосы, как и все остальные составляющие завернутого в плед тела, принадлежали старшей сестре Ильи, Нино. Они – близнецы, но Илье было приятно думать, что он моложе сестры. Пусть и на полчаса.

Илья и Нино опровергали стандартное представление о близнецах, навязанное телевидением, как об абсолютно разных

личностях. Илья и Нино были одинаковыми. С одинаковыми характерами, одинаковыми тараканами в голове и одинаково прожитыми жизнями. Единственной существенной разницей между ними были пол и отношение к гороскопам.

– Не нравится – не читай, – произнесла голова Нино.

Илья не нашел, что ответить, и только фыркнул погромче. Не подумайте, что фырканье являлось еще одной отличительной чертой брата-близнеца. Нино фыркала точно так же и даже чаще. И именно из-за своего сходства брату и сестре было трудно жить вместе, но еще труднее – врозь. Мама умерла, когда им было по двадцать шесть, а с тех пор прошло уже восемнадцать лет. Восемнадцать лет разорванных гороскопов и колючих пледов.

Нино махнула на себя рукой уже давно. В тридцать пять она перестала брить ноги, в тридцать восемь – выщипывать усы, а в сорок три, потеряв надежду на то, что она заведет детей, и вовсе заперлась в квартире, и выходила только в ближайший магазин. Илья видел, что происходило с Нино, но как он, мужчина, мог помочь столь упрямой женщине?

Так что на Илью, как на младшего брата, возлагалась последняя надежда – только он мог привить новую веточку к исхудалому семейному дереву.

Илья взглянул на часы – четыре часа дня – время уходить на работу. Он работал продавцом-консультантом в книжном магазине. Это был самый ненужный книжный магазин в стране, а Илья был самым ненужным консультантом.

В спальне он натянул старый костюм и вернулся в гостиную, где сидела Нино.

– Я пошел, – произнес он, направляясь к вешалке за пальто.

Нино медленно подняла глаза на брата.

– Зачем надел дедушкин костюм? – без особого интереса спросила она.

– Мой порвался.

Принадлежность костюма дедушке состояла лишь в том, что дедушку должны были в нем похоронить. Но мама не позволила, мол, «позорный».

Илья пожал плечами. Нино тоже пожала плечами.

На улице пять градусов. Илья ненавидел ноябрь. Во-первых, из-за погоды, во-вторых, из-за своего дня рождения. Хотя он не любил ни одно время года. Илья вообще ничего не любил. И никого. Даже себя самого он просто терпел.

Илья сделал шаг за дверь. Холод врезался в его бледное лицо, заставив зарыться поглубже в шарф. На улице стоял «трёхэтажный мат». Стоял ледяной стеной, сквозь которую Илье было трудно пробиться. Такие уж обычаи у тбилисских бездельников: строить стены из мата, чтоб мешать трудящимся людям добираться до работы. Илья ненавидел своих соседей, он даже позволил себе не просто фыркнуть на них, но и пробубнить что-то несвязное. Соседи не обратили на него внимания. Они вообще не заметили его. Как не замечали и того, что на первом этаже первого подъезда существует трехкомнатная квартира с двумя жильцами.

Единственный плюс работы Ильи (кроме, конечно же, зарплаты) – книжный магазин находился в пятнадцати минутах ходьбы от дома. Добираясь до работы, он обратил внимание на то, что его ненавистный красный цвет нынче в моде. Слава Богу, Илья не верил в гороскопы, ведь иначе он решил бы, что судьба хочет свести его с каждым третьим прохожим. Красные пальто, куртки, шарфы назойливо выскакивали из черносерой массы, сквозь которую пробирался Илья.

Колокольчик на двери магазина вздрогнул. Девушка у кассы подняла глаза и улыбнулась Илье. Илья кивнул. Ани – второго консультанта книжного магазина – Илья тоже не любил. Он знал – девушка улыбается ему только потому, что Илья частенько приходит на работу на тридцать – сорок минут раньше, чем должен. Илья делал это не ради неё. Он делал это ради себя.

Ани собрала свои вещи и молча ушла.

Илья сел за стол, просмотрел записи о продажах за сегодняшний день: две книги – грузинско-английский словарь и сборник раскрасок для детей начальных классов. Обычное дело. Сегодня уже мало кто покупает настоящую литературу. В городе открылась новая сеть книжных магазинов. Они продают яркие и качественные книги, но и их бизнес нельзя назвать успешным.

Илья снял с полки «Десницу великого

мастера» Константина Гамсахурдия. Это была уже сорок девятая книга, которую Илья читал за год работы в магазине.

Прошло двадцать пять минут тишины, когда колокольчик вновь зазвонил. В магазин вошла девочка лет десяти.

– У вас есть карандаши?

– Есть.

Писк чекового аппарата. «Спасибо». Колокольчик. Молчание.

Еще сорок пять минут и в дверях появилась единственная постоянная клиентка магазина – госпожа Нелли.

– Добрый день, господин Илья.

– Добрый день, госпожа Нелли.

Клиентка входила в маленький круг тех людей, которых Илья презирал чуть меньше. Пока в этом кругу находились лишь два с половиной человека: госпожа Нелли, сам Илья и та половинка Нино, которая не покупала журналы с гороскопами.

– Есть что-нибудь для меня? – спросила посетительница, робко улыбувшись. Госпожа Нелли заходила в магазин приблизительно раз в неделю и покупала сказки. Илья не знал, для кого.

– У нас новое издание «Красной шапочки».

«Даже персонажи сказок! И на что всем сдался этот красный?»

– Прекрасно, покажите мне её, пожалуйста.

Илья отложил «Великого мастера» и достал с полки сказку. Он протянул книгу покупательнице. Госпожа Нелли взяла книгу и раскрыла ее. Пока она разглядывала цветные страницы, Илья разглядывал ее.

Ничего примечательного. Трудно было выделить что-либо на лице госпожи Нелли: ни красивых глаз, ни большого носа, ни пухлых губ, ни гладкой кожи, ни уродливых бородавок, ни даже макияжа. Но именно поэтому она и нравилась (точнее, была менее ненавистна) Илье. Нелли – серая.

– Я возьму ее, – покупательница протянула книгу Илье. Илья почти уже дотронулся до пестрой обложки, когда заметил – из-под черного пальто госпожи Нелли торчит ярко-красный рукав свитера. Эти несколько сантиметров материала привели Илью в негодование. Распространение красного уже переходило все границы. Неужели даже такой порядочный с виду человек, как госпожа Нелли, способен надевать одежду настолько вульгарного цвета?! Илья злился на клиентку, а также и на самого себя, осознавая, что в любой другой день не

обратил бы внимания на рукав свитера.

– Большое спасибо.

– Всего доброго.

«Какая глупость эти гороскопы», – прошептал Илья. Но постеснявшись своего обычного невидимого слушателя, продолжил монолог в уме:

«Как может судьба свести Скорпиона с человеком в красном? Ведь на планете огромное количество Скорпионов, не могут же все они столкнуться с людьми в красном на этой неделе и уж тем более связать с ними свои жизни. Так на всех и красной одежды не хватит. Не могу же я стать частью жизни госпожи Нелли только потому, что на ней был красный свитер. Они бы еще написали, что всему этому бреду сопутствует дождь за окном или число восемь!»

Илья фыркнул и снова раскрыл «Десницу великого мастера» на странице восемьдесят восемь.

– Ваш магазин пока не прикрыли? – спросила Нино брата, услышав его шаги в комнате. Она решала кроссворд.

– Не говори глупостей! У нас полно клиентов!

– Каких? – на этот раз настала очередь Нино фыркать, – Пара случайных прохожих да та ненормальная любительница сказок?

– Она не ненормальная! – возразил Илья, – и она не любительница сказок. Она покупает их для детей.

– Жаль, что у нее уже есть дети. А то, может, родила бы парочку тебе. Думаю, она единственная на всей планете могла бы согласиться это сделать.

– С меня хватит и одного ребенка дома!

Илья хлопнул дверью спальни. Он снял дедушкин почти похоронный костюм и открыл гардероб. Сочетание дедушкиного костюма и зеркала на внутренней стороне дверцы напомнило Илье о дне похорон. В тот день даже это зеркало мама завесила белой простыней. То ли от сглаза, то ли от злых духов, то ли, чтоб не видеть свое бледное лицо. Илья смотрел в зеркало, но в нем отражалась пустота, как и много лет назад. Он разглядывал себя и думал о том, что

госпожа Нелли, возможно, достойна того, чтобы завести с ней разговор. Она подходила Илье по многим параметрам. И если бы он верил в гороскопы (конечно же, это было абсолютной неправдой), то и они подталкивали бы Илью к ней.

Жаль, что у нее есть дети.

Спустя четыре дня госпожа Нелли снова появилась в магазине.

– Здравствуйте, господин Илья.

– Здравствуйте, госпожа Нелли.

– Есть что-нибудь для меня? – еще с порога спросила она с серой улыбкой и направилась в сторону прилавка. Но не успела она сделать и двух шагов, как зацепилась носком сапога за торчащую половицу и повалилась вперед. Илья наблюдал за этой сценой из-за прилавка. Все показалось ему каким-то размытым, замедленным. Секунду назад госпожа Нелли улыбалась, как вдруг ее простенькие глазки сперва округлились, затем зажмурились, руки закрыли лицо, а ноги потянулись к разным углам комнаты. Падение было настолько неожиданным, что Илья перед тем, как подбежать, еще какое-то время просто смотрел на распластавшуюся на полу женщину.

Госпожа Нелли позволила Илье помочь ей подняться и села на стул, откинувшись на спинку.

– Руку ушибла, – произнесла она в ответ на вопросительный взгляд Ильи. Она сняла пальто. Под ним снова оказался ярко-красный свитер. Закатала правый рукав. И опять этот ярко-красный цвет вокруг ободранного локтя.

– У вас не найдется ваты или бинта?

Илья кивнул и отлучился в подсобку за аптечкой.

Перевязав руку, госпожа Нелли попыталась встать, но оказалось, что при падении пострадала и нога.

– Может, я позвоню кому-нибудь? – наконец-то прошептала Илья, поняв, что без прямого вербального контакта не обойтись, – пусть вас отведут домой. Например, вашему супругу?

– Нет-нет, – еще тише Ильи произнесла госпожа Нелли.

– Может, вашим детям?

Госпожа Нелли медленно подняла на Илью испуганный взгляд:

– Нет-нет...

– Может, тому, для кого вы покупаете книги?

– фантазия Ильи подходила к концу.

И тут произошло то, чего Илья совсем не ожидал, несмотря на всю драматичность ситуации: по лицу госпожи Нелли потекли слезы. Пока Илья решал, какова их причина: шок, запоздалая боль или, может, Илья, не заметив, наступил ей на ногу (он даже быстро посмотрел, на чем стоит), слезы

перешли во всхлипы, а через несколько секунд – в рыдания.

– Вам больно? – нерешительно прошептал Илья.

Госпожа Нелли покачала головой из стороны в сторону. Но когда Илья уже решил приписать всю нелепость ситуации шоку, она произнесла:

– Простите. Просто мне совсем некому звонить.

Илья был в курсе того, что в подобных ситуациях люди заводят разговор по душам (или это подсказывала его запыхавшаяся интуиция). Но, имея нулевой опыт в данной сфере, он предложил единственное, пришедшее в его почти лысую голову:

– Не хотите чаю?

Илья сидел на табурете, а напротив него все в том же красном свитере, держа чашку сладкого чая, сидела госпожа Нелли.

– Простите меня, – повторила она, – я так давно не чувствовала себя настолько одинокой, – она сделала глоток чая и поморщилась. Илья тоже поморщился – незнакомый человек обслюнявил его чашку.

– У меня ведь нет ни мужа, ни детей, ни друзей, никого.

Илья понял, что настала его очередь говорить.

– А для кого же вы покупаете сказки? – он еще не закончил предложения, как уже пожалел о своих словах. В глазах госпожи Нелли снова заблестели слезы.

– Я... я хотела, чтоб люди вокруг думали, будто у меня есть семья.

Илья нахмурился. Он не понимал поведения этой женщины. Но ему захотелось узнать больше.

– Неужели у вас совсем никого нет? Вы не работаете? – уже более решительно спросил он.

– Я работаю. Я составляю гороскопы в журнале. Я...

Дальше Илья не слушал. Он был шокирован. Он не понимал, как мог симпатизировать человеку, который не просто верит в гороскопы, но и создает их, навязывает их беззащитным умам, несчастным жертвам

обмана, и, возможно, даже считает себя экстрасенсом или пророком.

– Вы составляете гороскопы? – переспросил Илья, пропустив мимо ушей несколько последних предложений.

– Да. Это так глупо.

Еще бы.

– Я занимаюсь этим уже много лет. Выдумываю всю эту чепуху...

– Выдумываете?

– Конечно! Это же просто психологический трюк. Надеюсь, Вы не верите всему написанному в гороскопах.

– Конечно, нет! – Илья так резко выплюнул эту фразу, что госпожа Нелли замерла, не договорив. Илья не обратил на это внимания. Его праведный гнев начал утихать после последних слов собеседницы.

– Вы подумаете – я совсем отчаялась, но на прошлой неделе я каждому знаку зодиака «предсказала» встречу со мной. Кто-то должен был найти счастье в глазах цвета меда, кто-то должен был влюбиться в родинку на мочке левого уха... Боже, да я даже красный свитер ношу всю неделю в надежде, что кто-то поверит всему этому бреду в журнале!

Госпожа Нелли вздохнула и протянула чашку Илье.

– Спасибо вам. Думаю, я смогу дойти до дома, я живу совсем рядом.

Она смущенно улыбнулась, одела пальто и, прихрамывая, вышла из магазина. Илья молча проводил ее взглядом. Он задумался о случившемся: может, жизнью управляют не гороскопы, не отчаянные поступки людей, но что-то более мудрое и могущественное, что устраивает подобные сцены в самых ненужных книжных магазинах страны?

Илья сел за стол и раскрыл «Десницу великого мастера» на одной из последних страниц.

Возможно, Илья когда-нибудь вспомнит сегодняшний день, вспомнит о мыслях, посетивших его голову, фыркнет, представляя слезы на сером лице госпожи Нелли. И, может быть, даже скажет об этом вслух, но, конечно же, шепотом.

Маргарита ГЕВОРКЯН

Армения

Настанет час великого стояния:
 За вереницей дней,
 В безудержном угаре расставания
 И в мареве огней,
 Зажоженных в храме слабою рукою
 С молитвой о любви,
 Уйдет печаль, оставив над рекою
 Сомнения мои.
 За все, чем я грешила и гордилась,
 За робость и восторг,
 Что умерло и то, что не родилось –
 Не будь без меры строг,
 Прости слова впе времени и веры,
 Улыбку невзначай,
 И голову держать моей манеры
 Во мне не замечай.
 Забуду все, к чему душа стремилась,
 Одежды все раздам,
 Небытие приму, как будто милость,
 А голос мой – дроздам.
 И стану с непокрытой головою –
 Маяк на берегу,
 В тени, еще отчаянно живою,
 Тсбя уберегу.
 Не воду, не бессмертие, не жалость,
 Не золото рубах –
 В стоянье том позволь мне только малость:
 Лишь имя на губах...

2018 г.

Ереван

Приходи на меня посмотреть,
 Мой не друг, не любимый – по все же
 Приходи, я хочу обомлеть
 И расстаться с пергаментной кожей.
 В слепоте предрассветных часов
 Где-то есть огонек путеводный,
 Приходи, мне не нужно цветов –
 Только взгляд и рассудок свободный.
 Твоего дорогого плеча
 Не коснется рука моя ношей.
 На окне моем тает свеча...
 Проходи, нету правды в прихожей...

2017 г.

Ереван

Быль июль, был вечер. Жарко,
 И цветов без влаги жалко.
 В душном клубе, под землей
 Продолжали путь земной
 Скрипки, альт, виолончель.
 Жизни вечная качель
 Между завтра и вчера
 Лишь в такие вечера
 Замедляет мерный ход.
 Кто-то скажет: эпизод...
 Нерв натянут, как струна.
 Утомленная страна
 Дышит жаром, ждет грозу...
 Вечер начался внизу.
 Зал наполнился и стих.
 Самый трудный – первый стих...
 Говорю себе: дыши!
 За спиной фрагмент души
 В платье снежно-голубом,
 Нимб волненья надо лбом.

На струне дрожит романс,
 Знаменуя декаданс.
 В анфиладе отражений
 Всех побед и поражений
 Я ищу его глаза,
 Чтобы робкая лоза
 Обрела покой-опору
 Вне сомнений и без спору –
 На виду, на шагковой сцене
 Все детали мизансцены.

Сделать шаг на твердый пол,
 Отряхнуть от грез подол,
 Оглянуться на квартет:
 Дайте разом тень и свет!
 Дайте занавес душе!
 Пусть хоть пыльный, как клише...
 Рифме дам огонь свечи.
 День уймется. А в ночи
 Не сомкну уставших век...
 Краток вечер. Долго век.

2017 г.

Ереван

МЕТНЁШЬ ЖЕЛЧЕКАМЕННОЕ «ПРОЩАЙ!..»

Метнёшь желчекаменное «прощай!»,
И в новый уйдешь поход.
Язык – медоносец, язык – праща,
И рот твой – чужой приход.
Подумаю коротко, не ропща:
«Удачных тебе охот!»

И шею своей обовью косой
От всяких в пути простуд,
И вслед на удачу плесну росой:
Обида – напрасный труд.
Уйдешь, как когда-то пришел – босой,
Искатель сердечных руд.

Нас два дуэлянта, решивших спор,
Однажды начав играть.
Мы вышли навстречу, без шпаг и шпор,
И незачем больше врать:
Ты смотришь навывлет, а я в упор,
И некуда пленных брать.

2016 г.
Ереван

НЕМНОГО ХЛЕБА

«...сие есть Тело Мое, за вас ломимое...»

На завтрак чай, чифирь у кого-то,
В окне четвертушка неба,
Бывает и так, одному и на всех всего-то
Немного хлеба.

Новой весной отпустят на волю
Синицу из клетки-склепа.
Однажды зимой под окошко метнут ей долю –
Немного хлеба.

Сиротство святых – Его забота,
Пугливое сердце слепо.
Хватило б, меж тем, одному ото всех всего-то
Немного хлеба...

Прости нам долг, мы простим кого-то –
Связующий узел крепок.
Однажды «вчера» не хватило нам всем всего-то –
Немного хлеба.

2017 г.
Ереван.

ТАЛАНТ И ГЕНИЙ

Есть бездна между гением и талантом.
Пусть обернутся вспять потоки вод –
Мне гений чистый видится Атлантом,
Несущим на плечах небесный свод.

А ты будь трижды поцелован богом
И на холсте четырежды распят –
Не воспаришь в тщеславии убогом,
Не оторвешь от почвы голых пят.

Восторг толпы для слабого отравя,
На карте Славы нет пометки “Рай”,
Лавровый лист в худом котле приправа,
За каждым “Браво!” затаился лай.

Земное возвышая над Землею,
Стоят Атланты – божьи чудеса,
Неуязвимы для хвалы с хулою,
Непостижимы, словно небеса.

2016 г.
Ереван

ФЕВРАЛЬСКОЕ

Проснулась рано. Небо в серебре.
Февраль ютится в стылой подворотне,
Всем видом говоря: куда б охотней
Сидел тут в мас или в сентябре.
Пальто накинуть, с лестницы сбегать,
Усесться рядом, кутая колени,
И рассуждать про смыслы и оттенки,
Играть в слова и в шутку подражать
Совсем по-детски лихо и беззлобно
Блатной походке стреляной соседки –
Вороны старой, у кроватной сетки
Клюющей сор, постукивая дробно
Корявым клювом. Смолкнуть невпопад.
Поёжиться. Поймать в окне напротив
Взгляд женщины на полуобороте
Лица бессонного и выбрать наугад
Ей имя и судьбу – и подарить апрель,
И вертикаль бессрашного полёта,
Любовь без послезавтрашнего счёта,
Прозрачную, как будто акварель.
Она на миг забудет про февраль,
Про мутный день и скорый дымный вечер
И улыбнётся... В подворотне ветер
Закручивает времени спираль...

2016 г.
Ереван

МОЙ ГОРОД ЗНАЛ

Мой город спал. Мой город стыл.
В рассвете иссиня-тревожном
Дыханья шорох осторожный
Тонул во влажности листвы.

Здесь каждый дом – мой старый друг,
И собеседник, и свидетель;
Он помнит грех и добродетель,
И жизнь в руках, и смерть от рук.

Мой город-крепость, город-храм,
Святая пристань в час Потопа.
Невинный смех и ножек топот
С чеканным шагом пополам

Рождают рябь, смущая сон,
Колеблют время над дворами...
К тебе с троянскими дарами
Пришёл не враг, а сукин сын,

Твой гражданин и мой собрат,
Иуда, алчная утроба,
Снуёт, как гробовщик у гроба,
Нутром и взглядом вороват

И метит мелом – чей-то дом
На свалку памяти отправит,
Поправ Закон, не зная правил,
Он возведёт здесь свой Содом...

Бельмом на камне нити цифр
Меняют славу на бесславье,
Творят подлог, чинят бесправье –
Клеймом на сердце адский шифр.

Мой город спал. Мой город знал:
Удары сердца бьют тревогу
И призывают на подмогу
Свободный дух мятежных скал!

Мой город зрел. Мой город ждал:
В тревожном мареве рассветном,
Пронзая ночь в пылу победном,
Сверкнет предгрозовой кинжал!..

2016 г.

Ереван

НЕ ХОЧУ

Не хочу, чтобы кто-либо молился за меня.
Ни за здравие мое, ни за упокой.

Не от неверия своего не хочу – очевидно, что как
раз наоборот: от веры.
Веры в слово. В жест. Во взгляд. Во вздох.

Вам ли знать, что для меня хорошо?
Когда даже я сама этого порой не знаю.
Когда даже и знать не хочу порой.
И уж тем более, не хочу, чтобы вы об этом знали!

Не вам по разумению своему вносить правку в
то, что само пишет и само правит,
когда это нужно.

К тому же то, что хорошо для вас, для меня
может быть смерть – разве можно знать
такое доподлинно?

И разве бы вы хотели, чтобы молитва ваша
обо мне обернулась для меня проклятьем?
А ежели у вас есть время и воображение –
пофантазируйте о собственном благе.
Возможно, это сделает вашу жизнь более
осмысленной и красочной.

И я также не буду молиться за вас.
Ни за здравие ваше, ни за упокой.

Я налью вам воды, если вас будет мучить жажда.
Накормлю вас, если вы будете голодны.
Дам вам свою одежду, если вам нечем будет
прикрыть свою наготу.

Перевяжу вам рану, если она будет кровоточить.
Улыбнусь вам, если взгляду вашему потребуется
опора.

Я вспомню о вас, если вы умрете раньше меня.

Но я не буду молиться за вас.

2014 г.

Ереван

Ася УМАРОВА

Чечня

ЭПСИНЕЙ

Это ее тапочки рядом со ступеньками. Она, Эпсинея, никогда так ровно их не ставила. Каждый раз, когда я прохожу мимо них, то складывается ощущение некоего ее присутствия в доме. Они сейчас как-то послушно причадили к берегу, но без того невидимого паруса, который так неумоимо развевался и жаждал направлений. Без того...бунтарского налета.

Наверное, Эпсинея показалась всем странноватой, когда еще в школьном сочинении написала, что мечтает быть, как Льюис. Помните, напарница Мерфи из фильма «Робокоп»? Быть полицейским и получить этот значок копа. Ей хотелось швырять его начальству, как в фильме, демонстративно снимая с груди, когда кто-то был против каких-то ее действий в отношении бандитов. Льюис, причмокивая, жевала жвачку и нахально надувала шарик, которые смачно лопались. Тогда еще восьмилетнюю Эпсинею приводило в дикий восторг осознание того, что она, как и Льюис, будет мчаться на большой скорости защищать людей в этой громко сигналящей машине, где за рулем будет самый настоящий робот и она в брюках, в бронежилете, с оружием и в странноватом космическом шлеме. Эпсинея бравировала в сочинениях фразами из фильма: «Служить обществу. Защищать невиновных. Соблюдать закон» или «Живой или мертвый, ты пойдешь со мной». На фоне остальных детей, которые пророчили себе «быть полезной учительницей, как Вы, Петимат Саламовна» и «быть доброй, как морицинистые руки моей бабушки» она, конечно, казалась невероятно крутой и дерзкой.

Из всехродственников Эпсинея предпочитала общение с дедушкой Хамдуллой.

Почему? Просто дедушка напоминал какого-то сказочного персонажа или героя из фильмов. Кирзовые сапоги, брюки галифе, черный плащ с капюшоном... , ритмично напевавший под нос что-то вроде «тит-тири, тит-тири, тит-тири», он, кокетливо поглядывая на свое отражение в зеркале, опускал шляпу к бровям. Иногда размахивал кулачками и приплясывал. В ее детстве дедушка Хамдулла мчался, как ненормальный, на бричке, точно так, как эта Льюис из фильма. Эпсинея еле удавалось удерживать шляпу дедушки на голове, когда ветки яблоневых деревьев билась о лицо в каком-то саду, где он работал сторожем. Вернее, стаж работы шел другому человеку, а ему нужны были деньги, сверх пенсии. Дедушка Хамдулла рассказывал, что именно в этом саду он когда-то встретил настоящую анаконду. Ну, такую, в толщине, как пластмассовая двухлитровая бутылка из-под

Pepsi. И Эпсинея искренно надеялась, что в одну из этих поездок они все-таки встретят эту анаконду, и тщательно разглядывала траву под колесами брички, когда их неожиданно сильно подкидывало. А если закинуть голову назад и открыть рот, то можно ловить лучи солнца. Еще дедушка Хамдулла рассказывал, что однажды прилег на плащ и очень крепко заснул. Да, он любил поспать, и днем, и ночью или перед телевизором. Как-то он закемарил, когда показывали фильм «Свадьба в Малиновке» с чеченской озвучкой. Как раз актеры отплясывали под лезгинку. Резко пробудившись, хитро оглянувшись по сторонам, он заявил: «Ну, дают чеченцы! Ну, танцуют!» И заснул, падвинув поля шляпы на глаза. Точно, как киллер из фильма «Леон», который засыпал в очках сидя. Ну, так вот, под плащом дедушки Хамдуллы однажды оказалась настоящая змея.

- Йо-олооооо! - только и смог протянуть дедушка от удивления, привстав и встряхнув плащ, а змея лениво уползла. А бабушка уверяла, что он все это придумывает. Да, чтобы показать и доказать, ей, в первую очередь, какой он сильный и храбрый. С какими трудностями ему приходится бороться и то, как совершенно не ценят домашние его подвиги и колоссальный труд. «Исталин пирказ...» - начинались все истории для Эпсинея от дедушки, но она ничего не понимала. Как не понимала, почему он в саду отпускал лошадь и стоя долго разглядывал в небе облака или горы, и от этого его глаза наполнялись слезами. Эпсинея казалось, что он плачет оттого, что все в селе не верили ему и смеялись по поводу его историй со змеями. Думали, что он стар и немного помешался. Поэтому она мечтала, когда станет немного старше, организовать экспедицию по ловле анаконды в их селе, точно, и на ее голове обязательно будет шляпа, как у ведущего Сергея Супонева из программы «Зов джунглей». Тогда все поверят, что дедушка Хамдулла был прав, и это вовсе не его фантазии.

Во время войны Эпсинея позвала меня посмотреть фильм «Титаник». У ее тети Кукушки... на самом деле, ее зовут по-другому, просто, по обычаю, мама Эпсинея не может из уважения называть всех родственников по именам. У тети Кукушки был мотор для подачи света, и когда она доставала откуда-то бензин, то всегда звала Эпсинею, и они смотрели фильмы. В тот день в село привезли трупы, и тетя Кукушка еле успевала обойти все дома и выразить соболезнования. А кто-то ездил в Ингушетию за продуктами и пропал. И вообще у многих продукты закончились. И все боялись бомб и всего происходящего, но только не Эпсинея и не я. Мы плакали навзрыд, просматривая «Титаник».

Нам стало так искренне стыдно, что никогда не слышали про этот корабль и о тех людях, которые погибли. Мы с неистовым рвением дружно влюбились в Леонардо Ди Каприо и с такой же неподдельной яростью возненавидели Кэйт Уинслет, которая осталась жива, когда можно было бы спасти его. В память о Ди Каприо Эпсией попросила у сельского мужского парикмахера сделать ей точно такую же стрижку, как у Леонардо. Но так как волосы ее были густые и кучерявые, то прическа получилась очень смешная. Пришлось ходить в шапке, пока волосы немного не отросли.

Когда Эпсией исполнилось тринадцать лет, то родители дали немного денег и разрешили купить из сладостей все, что она захочет. Такой великодушный жест снес ей голову до безумия. Но при составлении списка гостей на День рождения, выяснилось, что половина подруг выехали с семьями в Ингушетию в палаточный городок или в Дагестан. Ну и остальных родители не выпускают вечером, хотя они жили через пару улиц. Просто из боязни обстрела. Пришла на День рождения только одна девочка, с которой они постоянно дрались на перемене. Но когда они вышли за покупками, то на окраину улицы налетели два вертолета. Эпсией от страха упала на колени и быстро поползла по грязи. А ее подруга, увидев это, громко засмеялась, перекрикивая вертолеты. Эпсией не удержалась и тоже захохотала. Они лежали на мокрой земле, в грязи и смотрели на красные вспышки огня под вертолетами, которые летели в город. И не могли перестать смеяться. Так они пролежали еще долго. А купить смогли только мармелад, так как всё уже до них давно раскупили. Эпсией нагрела чайник на печке, подкинув дрова, и они ели зеленый мармелад в сахаре, уютно устроившись у керосиновой лампы.

А вообще, Эпсией жутко поправилась именно в этот период. И некоторые новогодние подарки для детей, которые у них оставила одна начальница, испортили ей жизнь.

Почему-то глава их села сказал, что подарки получают дети от шести до двенадцати лет, но потом выяснилось, что подарков пришло меньше, чем предполагалось. И старшие дети остались без подарков. А кто-то из ребят не упустил возможности подколоть Эпсией, что она все их подарки съела сама и поэтому так растолстела. Хотя это было совсем не так. И, вообще, Эпсией была невероятно добрая. Не верите? Когда ей было шесть лет, папа пообещал, что, если она выучит молитву на арабском языке, которую читают на кладбище, он повезет ее в священное место – к святыне Хеды. И все, что она не попросила бы после молитвы, якобы исполнится... В то время, как, оказавшись там, двоюродные сестры просили годовую подписку «Ешко» французского языка, поездку в «Дисней ленд», набор куклы «Синди» с кухней, Эпсией попросила себе сестренку,

водопровод для села и скорейшего возвращения дяди из Тольятти, где он потерялся еще до распада Советского Союза. Но все, что исполнилось из перечисленного списка – это вода, которую, действительно, спустя двадцать четыре года провели в село.

Вообще, Эпсией очень нравился их семейный культ возложения ответственности исполнения каких-то задач на других. В этом было столько магии и волшебства и отсутствия обязательств, как ей всегда и импонировало. Одна родственница из соседнего села во время войны передала их семье какое-то морское существо, которое напоминало прозрачный гелеобразный блин бежевого цвета. Иногда на поверхности проявлялись какие-то пузырьки, что демонстрировало жизнь. Нужно было загадать желание, опустить его в глубокую широкую, как поднос, тарелку и залить водой. Если желание исполнялось, то рядом с этим существом появлялось на свет еще одно. Новорожденного передавали другим, и эту цепочку ни в коем случае нельзя было прерывать. Но шли дни – и ничего не происходило. А эта родственница сказала, что если через неделю не будет пополнения, то уже надо выбрасывать. Прошло десять дней, но морское существо не собиралось размножаться. А наоборот, от него стало нести запахом кваса, и пузырьки больше не появлялись. «Как до нас доходит очередь, так вся магия заканчивается!» – воскликнула мама Эпсией и выбросила его. – Если в этом доме живут моржи, то я не виноват, если таковым не родился! – восклицал грозно Бибиси, папа Эпсией, и на всю мощь поднимал газ в котле, скидывая с себя три свитера и тужурку. При этом ходил он широкими размашистыми шагами. – Так ходят только по-настоящему свободлюбивые люди! – подытоживал Бибиси в ответ на удивленные лица.

А еще Бибиси хватал Эпсией за руку и ногу и подкидывал вверх-вниз, крутил вокруг себя, восклицая: «Эхе-хей! Будешь космонавтом!?» Он, словно метлой по паласу, выбивал, только не пыль, а трусость и зажатость из нее.

Его прозвали Бибиси сельчане за чрезмерное любопытство к тому, что происходило в мире. Единственной новостью, которую он, в буквальном смысле, проспал, была отставка президента. Он настолько разочаровался в своей осведомленности, что неделю старался ни с кем не разговаривать. В гневе он выгнал Эпсией за забор и закрыл ворота на ключ.

А она босиком оставалась на улице и всем любопытствующим и вопрошающим сельчанам отвечала, что на самом деле сейчас очень полезно ходить босиком, и это помогает предотвратить плоскостопие.

Кстати, моржом была мама Эпсией. Малкан; мама была немного полновата.

Она была помешана на посуде. И все их долги, исключительно, были связаны с покуп-

кой многочисленных сервизов, чашек, кастрюль, ложек, бокалов, фужеров. Во время войны Малкан не давала спускаться членам семьи в подвал для укрытия. Вместо этого все вместе спускали туда коробки из-под гуманитарной помощи, в которые была бережно сложена посуда. А бомбежки пережидали в коридоре, укрывшись матрасами. Малкан редко рассказывала о прошлом. Она всегда думала только о настоящем, насущном и необходимом. Эпсией больше всего поразила, узнав, что когда-то Малкан кроме посуды любила одну кошку, которая жила с ними в доме в Казахстане. И, когда народам разрешили вернуться домой, то мама Малкан, грозно притопнув, запретила брать кошку в дорогу. Дорога длинная, и она бы не смогла перенести столько дней в поезде. Малкан попросила всех соседей, чтобы они присмотрели за кошкой. Кто-то даже согласился забрать ее домой. И первым делом, приехав в Чечню, она отправила по почте письмо соседям. Выяснилось, что кошка не захотела ни с кем жить и две недели просидела рядом с их домом. Ничего не ела, а потом и вовсе умерла. Видимо, с тех пор Малкан решила не привязываться ни к чему живому.

Как-то Малкан выиграла по конкурсу поездку во Францию – одна из приобретенных ею кастрюль какой-то фирмы, оказалась победной и решающей. Но в посольстве ей сказали, что им кажется, что она собирается остаться во Франции, как, собственно, поступают многие ее земляки. «Вы, что совсем тут с ума посходили?! Плевала я на вашего Жака Ширика!» – сказала гордо Малкан. Видимо, слышала эту фамилию из уст Бибиси. «У нас сейчас не Жак Ширик руководит страной, а другой человек», – только и сказали в окошке. «А мне все равно! Вы что думаете, я свою Эпсией тут оставлю ради этой Франции?!» И в фирме, посоветовавшись, вручили Малкан, чтобы не расстраивать, еще какую-то кастрюлю. А во Францию отправили вместо нее однокурсницу Эпсией. Через неделю ее мама пришла к Малкан, разругавшись от счастья и хихикающая невпопад. «Украли дочку мою! Затащили в машину, затащили силком. Ее же и здесь сватать приходили. Она и кольцо давала в знак согласия. Она такая счастливая, звонила мне из Франции. Уже свадьба была вчера», – выпалила она. Малкан грустно посмотрела на Эпсией. А Бибиси сказал, что это все она придумала, так как во Франции запрещена кража невест. И их посадили бы в тюрьму или завели бы уголовное дело. И они все это придумали, чтобы оправдаться перед их семьей. Малкан немного стало легче, но вечером она все равно занервничала и, чтобы успокоить себя, пошла в ларек и купила две новые сахарницы.

Когда Малкан не вернули пару пиалок с каких-то похорон, то она попросила Эпсией пометить лаком всю посуду, и это заняло несколько дней. На этом Малкан решила не останавливаться и сходила к одной бабуш-

ке, которая поджигает волчью шкуру, что-то там приговаривает и может найти вора. И если кто-то виновен, то начинает толстеть и увеличиваться в размерах. Малкан сходила в мечеть и объявила всем, что если ей не вернут пиалы, и люди не признаются, что пиалы были разбиты или сворованы, то никто не сможет ее остановить. Конечно, ни один человек в их селе не раздувался до таких размеров, но всем стало очень страшно. Малкан смог убедить лишь Бибиси:

– Ты пойми. Горящая волчья шкура не будет разбираться в юридических нюансах и во всех тонкостях виновности. А вдруг это мы не досчитали пиалу? И как в этом магия разберется? Мы растолстеем, и все над нами будут смеяться?!

А помнишь, Эпсией, когда бы я к тебе не пришла, ты с гвоздями в зубах, взобравшись на стол, а затем на стул, покачиваясь, прибывала то ковер или картину к стене, то вешала занавески? У вас в доме было много сломанных стульев, столов, так как ты часто падала из-за головокружений от пониженного давления. От тебя тогда муж ушел к другой женщине, которая «любила выходить на улицу с кастрюлями и тряпкой, демонстрируя хозяйственность». Ты так всегда подчеркивала. А помнишь, когда ты была маленькой, увидела у соседки коллекцию пуговиц в огромном тазу? Вернувшись домой, ты с одежды Малкан и Бибиси срезала все пуговицы и, довольная, встречала их с тазиком, наполненным пуговицами. А соседи, увидев в вашем зале большую библиотеку, включились в твою же игру и закупили много всяких книг. Только вот книги пылились на полках, производя впечатление только на гостей, но в доме их никто не читал. А помнишь, ты всегда напевала песню «Forever young» группы «Alphaville», а я предпочитала песню с оттенком активизма Шерил Кроу «Run, baby, run»^{***}. Да, нас считали старомодными, но ты всегда ценила в песнях именно чувства.

Твои тапочки, Эпсией прибились к берегу моих ступенек. Вместе с остальной обувью, которая томно дожидается своих хозяев. Только вот твой путь завершился. Они напомнили мне лодки, которые рано или поздно нас покинут. Знаешь, когда твоя мама раздавала одежду... ну, потому что так принято – отдавать вещи усопших родственникам, то я взяла именно тапочки. Мне, кажется, они напевают сейчас, как когда-то ты:

«Forever young, I want to be forever young.
Do you really want to live forever?
Forever – and ever»^{***}

* Вечно молодой» с англ.

** «Беги, детка, беги» с англ.

*** «Вечно молодой, я хочу быть вечно молодой. Ты точно хочешь жить вечно? Вечно» с англ.

Паола УРУШАДЗЕ

Грузия

* * *

И снова он неверен – твой разбег,
И, как всегда, не в те стучишь ворота, –
Душа моя, там двадцать первый век,
Там всё иное: музыка, погода...
Ты видишь город? Разве он похож
На тот – недавний?..
Где бывшая шалость?
А гонор где? Веселья ни на грош...
Уходят люди ярусом и лож,
И от партера мало что осталось.
Порой подумает: а жив, а жив ли он?
Стекло – к губам!.. Наверно, жив, раз
дышит.

Но это вам не Троя-Илион,
Тут ни к чему ахейский батальон, –
Всё сделается медленней и тише –
Без шума, без падения колонн,
Без зарева...
Кто вспомнит?
Кто опишет?

2017

* * *

Время – в обрез, и, наверное, надо
Душу потешить прощальным торнадо –
Вихрем внезапным пройтись по запасам –
Смести воедино, и выдохнуть разом--
Всё, что осело, всё, что осталось,
Всё, что душа накопила на старость -
В заветных потёмках, на сгибах, на дне...
И, может, опять востепенится во мне
Хоть напоследок, хоть на мгновенье
То – молодое моё вдохновенье.
Иначе зачем мне вся эта руда –
Не брать же с собой в никуда...
В никуда ..

2017

* * *

...Только кто-то кому-то с перрона
Поклонился в ночной синеве...
Георгий Иванов

О славе нежданной, о чести
Куда сообщить Вам, Поэт?
На старом, намоленном, месте
Вас нет... Вас давно уже нет.

Левкой, дубки, асфодели...
Под ними лишь тленье и прах.
Ах, как хорошо, что успели
Отпеть себя в ранних стихах!
Уходят... И с ними навечно
Живой угасает мотив.
Уходят с мешочком заплечным
И душу с собой прихватив.
Уходят – тоскуя по кленам,
По ряби на вешней Неве –
Навеки уходят... с поклоном
Кому-то в ночной синеве.

2017

КТО-ТО

Не услышан, не замечен,
Проберётся со двора,
Приобняв меня за плечи,
Скажет ласково: «Пора»...
Так и будет. Просьба к лету,
Просьба к осени, к весне:
Дайте вашему поэту
До поры узнать об этом
Наяву или во сне:
Мол, последние мы, детка,
Встрепенись, уходит жизнь.
Летним днем, вишнёвой веткой,
Листопадом, книжкой редкой
Налюбуйся... надышись...

2018

* * *

Налегке, без книг, без клади,
Плавню взмыть бы к небесам,
Облако легко погладить,
Потрепать его, как пса...
А потом взлететь повыше
И в одной из звездных вспышек,
Как в просвете между створ
Вдруг увидеть
Рождество...
На серебряной полянке--
Беглецы... волхвы... беглянки...
Грот, смоковница, родник...
Полог отогни на миг,
Ангел...

2018

* * *

Заглянуть бы в тот – огромный – зал,
 Где ваяли, мерили, чертили,
 Где на стенах кто-то набросал
 Стаю птиц и выводок рептилий,
 Где в печах огонь не угасал,
 Где в избытке – и графит, и глина,
 Где кому-то кто-то подсказал
 Морду тигра... силуэт дельфина...
 Подбирали форму и окрас,
 Кто за миг, а кто, бывало, днями,
 Кто грустя, кто весело смеясь,
 Над собой,
 над выдумкой.
 Над нами...

2017

* * *

Их больше нет – загадочных людей,
 Ни окон с тайнами, ни башенки с преданьем,
 Ни стариков с мешками, ни чертей
 Гудящих в дымоходе. С мирозданьем
 Яснее ясного: весь этот бурелом –
 Из некой точки... Сказано – и верят.
 Но это всё потом, потом, потом,
 А я на Верэ*, я на Старой Верэ.
 И уже поздно что-либо менять.
 Всё новое – сандали и платье,
 Бегу по спуску,
 знаю, мне опять
 Навстречу кто-то
 распахнёт объятья...
 И окна – настезь: тот же мальчик-пай
 Играет гаммы, а старик в ермолке,
 Слегка привстав, снимает книгу с полки...
 Над домом грай, тот – неумолчный – грай.
 Старик склоняется над письменным столом...
 (В халате том же – старом, несносимом),
 И пишет... пишет... о своём, былом,
 О странном острове по имени Цусима...

2017

* * *

Утратив всю свою пригожесть,
 Под взглядами прохожих ёжась,
 Смущаясь свежей наготовою,
 Стоят деревья наготове...
 И верят, верят, что едва

Декабрь войдет в свои права,
 Он выдаст всем убогим кронам
 Уборы краше, чем листва
 Взамен урона.
 Пришёл... и никакой раздачи.
 Слегка лишь холодком куснул...
 Да и январь был не богаче.
 Февраль повёл себя иначе –
 Он тайно зазывал весну...
 Деревья, улицы, дома...
 Позвольте, а была ль зима?
 Быть может, это длилась осень?
 Ответ, скорей, в самом вопросе, –
 Не худо б вспомнить прошлый год,
 Да и прошедшие... Народ
 Не зря кричал: "Сместилась ось!"
 Зима отпала...
 Началось...

2018

О ТЕХ СТАРИКАХ

Наверно, вы правы – тот мир невозможен,
 Уж слишком жесток, бесноват и безбожен, –
 Недаром он рухнул – колосс...
 В нём новости утром читались, как треба,
 Зато за домами не пряталось небо,
 Ночами так сладко спалось.
 Вы скажете – «детство»! Вы правы, наверно,
 И всё же там было не так уж и скверно –
 Не только безумье и зло.
 Вы судите только по чёрным приметам.
 Оно так и было, но всё же, при этом,
 Нам так повезло!
 В том мире, по-вашему, полностью лживом,
 Они были с нами, они были живы...
 О, как мы любили прижаться – с разбега
 К их душам – к теплу отшумевшего века...
 Ни в школе, ни дома, ни в смуте вагонной
 Он был нам не страшен – тот мир
 законный...
 От мира иного лежали ключи
 У них, не умевших ни лгать, ни учить, –
 В худом портмоне...
 Между книг...
 За иконой...

* * *

Новый год... но без запаха ёлки.
 Не печалься, душа, не грусти, –

* Один из старых районов Тбилиси..

Ты жива... голоса не умолкли,
И стихи продолжают расти..
Захочу, снова ёлкой запахнет,
Стол осядет под грудой сластей.
Кто-то двери откроет и ахнет:
Ёлкой пахнет! Зовите гостей!
Голоса всё ещё не умолкли...
За порогом, шурша и звеня,
Лесом встанут все старые ёлки,
Даже те, что зажглись до меня.
Семена, уплывут вереницей,
Снег вокруг оживёт, заискрится...
И так больно вдруг в сердце кольнёт,
Когда лапой мохнатой махнёт
Ель последняя,
прежде, чем скрыться...

2018

Как это вышло, как это случилось,
Что ты опять в игре «Я не умру» –
Или на время время отключилось,
Или само вошло в твою игру?
Безвременье! Что может быть чудесней.
Ни страха, ни тревоги, ни вины...
Всё отлегло от сердца, кроме песни,
Одна забота – не заснуть бы в кресле
До первых звёзд, до выхода луны..
Но грех скучать – с рождения немые,
Каштаны, клён и весь вишнёвый ряд
Тебе о чём-то вечном говорят,
И ты их слушаешь. С восторгом. Как впервые...

2018

Не надо, не спеши,
Не забегай вперёд,
Тем более, что там
Ещё не всё готово...
Да и к чему спешить,
Пусть время наберёт
По буквам и тебе
То маленькое слово...
Короткое, как «жизнь» –
Всего один лишь слог,
И тот же мягкий знак
В конце последней трети,
И ты его прочтёшь,
И выйдешь за порог, –

Не раньше... а не то
Тебя никто не встретит...

2018

Вот опять на старой плёнке:
Дети, барыни, болонки,
Крейсер с флагом на ветру.
В старом парке в час заката
Гумилев и гумилята
Вновь затеяли игру.
Угасает век их краткий
На серебряном витке,
А они играют в прятки
Так, как будто всё в порядке
В Петербурге-городке.
Улыбается весна им,
Самому водить пора!
Мы-то знаем, мы-то знаем,
Чем закончится игра...
И кого куда упрячут,
И кого куда свезут...
Может, будет всё иначе:
Дети нянек, дети прачек
Их полюбят...и спасут?!

2016

ПОЛДЕНЬ

Светло и ясно, но луна
На небе всё еще видна.
Но как прозрачна, как бледна, –
И ни звезды... совсем одна,
И город смотрит, как чужой.
Что сделалось с его душой?
Ему глядеть бы по добрей –
Всю ночь купался в серебре...
А он стоит особняком,
Как будто с нею не знаком
И знать её не хочет.
– Она расстроилась?
– Слегка.
Но память лун так коротка,
Всё позабудет
к ночи.

2018

Александр ХАКИМОВ

Азербайджан

МЕДАЛЬ С КОЗЛОМ

Когда мне было двенадцать лет, я больше всего на свете любил три вещи: в летний день лежать пузом на широком подоконнике и читать какую-нибудь фантастическую книжку.

Окно моей комнаты выходило в уютный бакинский двор. Прямо под окном рос могучий тутовник с густой кроной, солнечный свет проникал сквозь неё неяркими пятнами, и когда листву пошевеливал ветерок, пятна елозили по подоконнику. Ветви дерева располагались так близко к окну, что можно было просто протянуть руку, сорвать несколько ягод хар-гута и отправить их в рот – на секундочку оторвавшись от чтения. Рай, да и только! И, хотя было это почти сорок лет назад, в прошлом уже веке, я помню всё до самых мельчайших подробностей...

Разумеется, для двенадцатилетнего мальчишки летом всегда найдётся масса более увлекательных занятий, нежели чтение книг – это и футбол, и пляж, и катание на самодельных подшипниковых «тачках», и прогулки по паркам, и игра в войнушку... Но к пятому классу я всерьёз заболел фантастикой и часто отказывался от игр и прогулок в пользу чтения, чем сильно огорчал своих дворовых друзей. Они не понимали – как это можно уткнуться носом в книжку, летом, на каникулах, когда никто не заставляет тебя читать – и не пойти попинать мяч? А я не понимал, как это можно оторваться от книжки, в которой описаны приключения человека-невидимки? Или от книжки про экспедицию в «затерянный мир», где сохранились динозавры и первобытные ди-кари-каннибалы? Или от путешествия двоих землян на Марс – красная пустыня, кактусы, гигантские пауки, угасающая марсианская цивилизация, красавица Аэлита? Или от погружения подлодки «Наутилус» в океанскую бездну, населённую кошмарными спрутами?.. В конце концов друзья, безрезультатно поорав под окном, уходили пинать мяч или играть в ловигки без меня, а я жадно листал потрёпанные страницы, упиваясь невероятными историями...

Иногда, когда глаза уставали, я отрывался от книжки и рассеянно смотрел во двор с высоты третьего этажа. Залитый смягченным солнечным светом прямоугольник двора буквально кипел жизнью. Резвились дети – девочки прыгали через верёвочку или играли в «классы», расчертив мелом асфальт на квадратики; мальчишки носились, как уго-релье. Бабушки – одни сидели на лавочке, обсуждая всё и всех вокруг, другие были за-

няты делом, развешивали, например, бельё, или сушили подушки, или чесали шерсть... Дедушки степенно пили чай за самодельными столиками, или играли в нарды, или мастерили что-то по мелочи... Молодежь катила коляски, возилась с велосипедами, а кое-кто и с мотоциклом... Из раскрытых окон доносились чьи-то голоса, звучало радио, треньбренькало пианино – некий несчастный ребёнок уныло разучивал гаммы... Чирикали воробьи... Налетающий ветерок шелестел листвой... Я слушал этот многосложный шум летнего бакинского двора, и это было как массаж для нервов. А по выходным дням в одном из углов двора собирались игроки в лото. На длинных скамьях у длинного стола.

О вы, побывавшие в казино Монте-Карло и Лас-Вегаса! Вам никогда не подняться до вершины страстей бакинских дворовых игроков в лото! Что там карты и рулетка против оцифрованных деревянных бочонков! Что там проигранные или выигранные тысячи и миллионы долларов по сравнению с двадцатикопеечными монетами, закрывающими очки на разлинованных карточках! Настоящий мужской спорт (а в дворовое лото играли исключительно мужчины, самого разного возраста, самых разных профессий, самых разных национальностей, самого разного социального положения – их всех братски объединяла одна, но пламенная страсть!) И этот незабываемый специфический звук – постукивание игральных бочонков, вслепую перемешиваемых в мешочке! И голос человека, который наугад вытаскивал бочонки и оглашал их номинал (это называлось «кричать»)! И эти специфические возгласы – игровые термины, со стороны напоминающие бред сумасшедшего («барабанные палочки!» «Семен Семёныч!» «бабушка!» «лебеди!» «кочерга!» «дедушка!»), а на самом деле обозначающие ту или иную цифру или число на бочонке... В субботние и воскресные дни заядлые игроки прямо с раннего утра садились за большой стол в углу двора и резались в режиме нон-стоп дотемна, при хилом свете лампочки, позабыв про еду, про отдых, про семью, про всё на свете. Иногда засидевшихся далеко за полночь лотоманов утаскивали домой преисполненные гнева жёны... Бывало, что лотоманов разгоняли жильцы, которым игра мешала спать... Игроки отмечали имеющиеся очки на карточках монетками по десять и двадцать копеек (их называли «гривенники» и «двугривенные», а ещё десятикопеечная монета носила странное название «дикон», а двадцатикопеечная – «лабазник»); этими же

монетами расплачивались по завершении партии. Одни проигравшие занимали денежку у тех, кому в игре подфартило. Другие проигравшие вскакивали и убегали домой – кланчить у домашних мелочь для продолжения игры, или вытряхивать оную мелочь из копилки. Всё это сопровождалось скандалами, но игрок, заполучив тем или иным путём деньги, возвращался к игровому столу, ибо, повторяю, в груди лотоманов бушевал азарт, ни в коей мере несравнимый с азартом посетителей самых крутых казино мира.

Частенько на эти «турниры» заглядывал участковый милиционер. Игроки теснились, уважительно освобождая ему место на скамье. Участковый присаживался, снимал фуражку, неспешно утирал макушку платком. По долгу службы ему полагалось пресекать азартные игры, тем более на деньги, тем более публичные... Но участковый был старым бакинцем и мудрым человеком. Убедившись, что игра идёт по мелочи, и что нет ни шума, ни драки, он сидел немного для внушительности, а потом удалялся, непременно сказав на прощанье: «Смотрите, чтобы всё в порядке было!» Игроки шумно заверяли представителя власти, что всё будет в полнейшем порядке, без шума, так сказать, и без пыли, но – что греха таить – с облегчением вздыхали, когда участковый уходил. И игра продолжалась дальше. И звуки, сопровождающие игру в лото, были неотъемлемой частью шумового фона большинства из бакинских дворов...

Отдельно от лотошников располагался «козлодром» – длинный дощатый стол для сражающихся в домино, или, говоря на сленге, «забивающих «козла». В нынешнее время, густо и прочно пропитанное бластной «феней», любому малышу известно, что означает слово «козёл» и что бывает за несанкционированное его применение (неосторожно сказавши, за «козла» можно и ответить – базар надобно фильтровать, чуваки!). Во времена моего детства блатарей в бакинских дворах тоже хватало, но «козлом» чаще всего называли проигравшего партию в домино... «Козёл» сопровождался своим, не менее специфическим звуковым сопровождением, – шурушанием перемешиваемых костяшек домино (их называли «камями»), мощными ударами вышеупомянутых камней по столу, азартными возгласами, своей особой терминологией (так, например, камень «дубль-шесть» именовался, простите, «ишаком», а «шесть-пять» – «заместителем», ну и так далее). Время от времени от «козлодрома» доносились дикие вопли «на базар!», «дуплюсь!», «рыба!» и прочие в таком же духе.

Мой отец был заядлым лотоманом, однако – невероятно, но факт! – под нажимом мамы оставил Большое Лото, да и Малое, если можно так выразиться, тоже. Уж очень

допоздна засиживался он за столом, не высыпался и в таком состоянии шёл на работу, чаще проигрывал, чем выигрывал (по мелочи-то оно по мелочи, но иногда набегала приличная сумма), одалживал деньги у друзей, а то и потрошил с помощью кухонного ножа домашнюю копилку (красивая у нас была копилка, пластмассовая, в виде домика с окошками и трубой!)... В конце концов, после нескольких крупных разговоров, отец переключился на «козла». Совсем уж не играть он никак не мог: всё ж-таки он был бакинцем, а практически у каждого бакинца страсть к играм – в крови. Кроме того, он был человеком общительным, и очень нуждался в дружеской мужской компании (помню его как сейчас – вот он сидит за столом, зажавши в углу рта сигарету и шуруясь от дыма, переводя взгляд с вытянувшейся по столу доминошной «змейки» на зажатые в пальцах камни и обратно, потом, выбрав нужный камень, с размаху обрушивает его на стол, отчего «змейка» нервно подпрыгивает, а удар этот, несомненно, фиксируется всеми сейсмостанциями Северного Кавказа и Закавказья... И шуруется на остальных игроков – как сыграют они? В такие минуты отец выглядел не сорокалетним мужчиной, прошедшим огни и воды, и Крым, как говорится, и Нады, а совсем юным озорным пареньком...). Как-то вечером, когда я читал «Трудно быть Богом», отец подозвал меня к себе. Мне страшно не хотелось отрываться от Стругацких, но Кавказ есть Кавказ – слово отца тут закон. Я с сожалением отложил книжку и босиком пошёл к родителю.

Отец протянул мне какой-то предмет.

– Глянь, – мрачно сказал он.

Я глянул.

Это была самодельная медаль из бронзы, величиной чуть меньше чайного блюдца. На медали красовался выпуклый профиль козлиной головы – карикатурное такое изображение. В обрамлении лавровых веточек полукругом шла надпись: «ЗНАТНОМУ КОЗЛУ» Я взял медаль, покачал её на ладони. Ого, тяжёленькая! И вон даже ушко есть для продевания сквозь него ленточки или верёвочки...

– Переверни, – мрачно сказал отец.

На обратной стороне вытиснено было четверостишие:

«Носи её на шее смело,

Не вешай голову свою,

И не печалься – что за дело?

Ты в честном выиграл бою!»

Я хихикнул и спросил:

– Это кто же такое сделал?

– Это? Это... – и отец назвал имя одного из наших дальних соседей, весёлого мужика, мастера на все руки.

– А почему медаль у тебя? – неосторожно спросил я.

– Потому что сегодня «козлом» остался я!

– гаркнул отец, испепелил меня взглядом и удалился, хлопнув дверь. Отыгрываться пошёл, что ли? Впрочем, медаль он оставил дома.

Я уже и не помню, как так получилось, что эта замечательная медаль насовсем осталась в нашем доме. Я хранил её в коробке со всякими диковинками – тропическими морскими раковинами, сувенирами, курительными трубками, всякими фигурками... Став взрослым, часто показывал медаль знакомым и гостям. Каждая такая демонстрация сопровождалась взрывом веселья и бурей восторга. Со временем я привык к этой забавной медали и думал, что она будет лежать у меня в коробке вечно... Вот только не учёл я тогда, что ничего вечно в этой жизни практически не бывает.

Прошло два десятка лет, и открылся ящик Пандоры, и несчастья и испытания посыпались на головы людей. Наша семья не стала исключением.

Развалилась огромная страна, в которой мы все родились и выросли. Но появилась наша, независимая страна. У нее не всё заладилось с самого начала. Политическая неразбериха, война, рухнувшая экономика. Хаос.

Тяжело, неизлечимо заболела мама. Сильно сдал отец. Я крепился как мог, хотя на работе не платили жалованья по многу месяцев. Банк, в который мы вложили наши небольшие средства, оказался жульнической «пирамидой». Позарез нужны были деньги. Не шиковать – элементарно выжить. И мы с отцом принялись распродавать вещи из дому. Чтобы хоть как-то прокормиться. Надо было кормить маму. О лечении и речи не шло – просто кормить...

Тогда-то я и понял весь ужас людей, в революцию или в блокаду распродававших свои вещи ради куска хлеба.

Я распродал свою библиотеку фантастики, которую терпеливо собирал более пятнадцати лет – странно, но в эту дикую годину ещё покупали книги, и слава Богу... Я продал свою небольшую коллекцию марок. Я продал японский двухкассетный магнитофон – подарок мамы к окончанию мною Университета. Из моей коробки-кусткаммеры ушли в чужие руки и шариковая ручка в виде кинжала (тюремная работа), и большая курительная трубка с чашечкой в виде головы негра (тюремная работа), и зажигалка-пистолет (тоже тюремная работа; вообще у меня было немало таких вещей, сработанных эсками, надарили в своё время)...

Пришла очередь медали. К этому времени и мама, и отец ушли в мир иной, и я остался один.

В тот день – а было это поздней осенью – моросил нескончаемый дождь. Было зябко, я дрожал мелкой дрожью и никак не мог согреться. Договорившись по-хорошему с местным полицейским, я устроился на авто-

бусной остановке, под дырявым навесом, и разложил на скамеечке свой жалкий товар – двухтомник Стругацких, сборник Лема (от сердца отрывал, с кровяной, клянусь вам!) и самодельную бронзовую медаль с профилем козла...

Тут из ближайшего кабака вывалилась группа молодых мужиков весьма специфической наружности. В спортивных костюмах, кожаных куртках, накачанные, коротко стриженные и очень в себе уверенные. Это были натуральные братки, причём не наши, азербайджанские, а приехавшие из России по какому-то своим лихим делам. Проходя мимо остановки, они случайно глянули на мои «товары».

На книги, естественно, они не обратили никакого внимания, а вот медаль сразу их заинтересовала. Они взяли её со скамейки и принялись разглядывать, возбуждённо переговариваясь и не обращая на меня ровно никакого внимания. Словно меня и не было тут вовсе.

Я поджался. Но братки явно не замыслили зла – они по-детски смеялись, разглядывая медаль и повторяя «козёл, не, ну слышь, козёл!» и тому подобное. Потом один из них, со шрамом в углу рта, спросил: – За сколько отдаешь, брателло?

Я сказал, за сколько. Сумма была вполне приемлемой. Впрочем, браток со шрамом торговаться не стал. Он извлёк из бумажника смятую купюру и небрежно сунул мне в нагрудный карман. Я видел, что это за купюра. На неё можно было купить хлеба, пачку чая, пакет макарон, немного картошки, и прожить несколько дней – при условии максимальной экономии. Слава Богу.

Братки удалялись, вырывая друг у друга медаль и гогоча. Потом они погрузились в «мерс» и укатили. Я молча смотрел им вслед. На секунду мне показалось, будто я только что предал своё детство. Но потом это чувство прошло.

С тех пор минуло ещё два десятка лет. Мне удалось выжить.

Понемногу я возвращаю себе библиотеку – хожу по книжным развалам и покупаю те же самые книги, которые тогда продавал. У меня появилась коробка с новыми сувенирами – авторучки с самыми разными логотипами, монеты несуществующих уже стран, всякие игрушки-безделушки из-за рубежа, брелоки, необычные зажигалки, курительная трубка с чашечкой в виде головы лукавого Мефистофеля... Я думаю, со временем я смогу восстановить практически всё, что утерял.

Кроме одной вещи. Самодельной бронзовой медали с профилем козла и незатейливым стишком. Это была штучная работа. И где она сейчас, у кого – ведомо одному лишь Богу...

Кирилл АНКУНДИНОВ

Адыгея

МАЙКОПСКИЕ СТРОФЫ

Яхонты, алмазы и рубины
Где-то в вышине над головой.
Спят кристалловидные вершины.
Наползает сумрак грозовой
На поля и мокрые крушины.
Из раструба трепетной долины
Раздаётся оклик горловой.

Зависает долгая синкопа
В полукруге каменных валов.
Это не предчувствие потопа,
Это голос тихого Майкопа,
И замысловатая Европа
Зовом откликается на зов.

Там, северо-западом, ни брода,
Ни следа в сплетении пучин.
Там в глубины сероводорода
Не проникнет радостный дельфин.
*«Стены императорского свода
Проседают, но жива природа»* –
Так китаец вымолвил один.

Всё душнее от людских молений,
Огненные степи всё лютей.
Чернокрайний, умбровый, олений
Неба растопорщенный плютей
Надвигает ватную заглушку
На широкогорлую волнушку
Местопребывания людей.

Стынет над землёю гриб поганный,
Отражая отсвет городской.
Множится и тихнет звук органной,
Замирая возле Мостовской.
Засыпают тёмные курганы.
На поля и красные поляны.
Ниспадает медленный покой.

2015 г.

МАЙКОПСКИЙ ТРИПТИХ

1. 1829 год. Кавказ.

Делу предавшись солдатскому,
Старый подчасок угрюм.
Завтра весёлому штатскому
Путь предстоит в Эрзерум.

В штабе полковника Миллера
Ужин походный накрыт.

Спорит поручик про Шиллера.
Гость на него не глядит.

Там, за ущельями, проблески,
Громы – и вновь тишина.
Орку пригрелись доблести,
Снится тфокотлю жена...

...Сборы свершатся поспешные,
Длительным станет исход.
Мальчик среди жара кромешного
В сердце пучины умрёт.

Он не узнает про Байрона.
Будет он видеть одно:
Солнце, спокойствие, край рядна.
Сыплется, льётся зерно.

2. 31 октября 1910 года. Майкоп.

Снова на севере взвоют вьюги –
Им до Кавказа идти нескорю.
Маленький город стоит на юге.
Поезд везёт в себе визитёра.

Он через месяц поймёт: всё то же –
Те же дороги и те же споры,
Те же иллюзии, те же рожки...
Может быть разве что только горы...

В городе пенится слухов гейзер –
Встретил провизор телеграфиста.
*– Слышали новость? – Я знаю, Лейзер...
Тожэ мне, дедушка-Монтекристо...*

*Вот и повод призвать к ответу.
Снова не в пользу власти дебет.
– Нет, вы не слышали... По секрету...
Знаете, Юрий, куда он едет?..*

...Там, за аптекой, за старым валом,
По-над рекою, поверх предгорий
Ширится чёрное покрывало,
Перекрывая стальные зори.

Пляшут станицы, молчат аулы,
Вбок беспокойно глядит Европа.
Поезд надолго застрял у Тулы.
Нет, не узрит пассажир Майкопа.

3. Март 2006 года. Майкоп.

Ветер с гор несёт цикламенный запах.
Тихий парк раскинулся над рекою.

Много старцев в чёрных плащах и шляпах –
Променад просветителей на покое.

Присягнув истмату и диамату,
Все они добились надёжной славы,
Но, подобно ветхому диаманту,
Износились и выпали из оправы.

Расшатались крепи былой науки.
Как турецкий хлеб, искрошилось слово.
Рассекают на «мерсах» шальные внуки,
Позабыв про Пушкина и Толстого.

На фасадах пятна и осыпанье,
Проржавела трепетная ограда.
Ах, как сладко долгое засыпанье.
Будем спать, и снов никаких не надо.

2006 г.

МАЙКОПСКОЕ ПРЕДЗИМЬЕ

Зима – не зима, и на небе разводы,
Но ветви деревьев пусты –
Устали терпеть середину погоды
Прольются дождя сизоватые прядки,
Тихонько отпустит в груди:
– Ну что, как дела? – *Всё отлично, ребятки.*
– *Зачем же ты стал, проходи.*

Листва переполнила город песочный,
И снега не жди в ноябре,
Но время стоит, словно пруд непроточный,
Эй, что там у нас на дворе?
По радио слышится отзвук нечёткий,
Как будто в устройстве изъян –
Не бьёт барабан, но стрекочут трещетки
Да трудится вечный баян.

Представь, что согласно намеченным планам
Устроили маленький рай,
Везде насажали катальп и платанов.
Живи. Веселись. Загорай.
На старом фронтоне осыпалось слово,
Ржавеют пустые врата.
Живём мы в раю, и не надо другого,
И жизнь хороша и проста.

1996 г.

В чистом поле шумит на ветру трава,
Одолень-трава говорит слова,
Повторяет слова над кручей,
А над чистым полем стоит звезда,
Всё стоит звезда, да летит беда,
Да пылает огонь горючий.

В чистом поле рождённый молчит молчком,
Он не знает, какой навалился ком
И кому ожидать расплаты,
Он лежит у полночи на виду,
Он увидел только одну звезду
И теперь – кругом виноватый.

В чистом поле окрепший всегда удал,
До зари до утренней он удрал
Колобродить вокруг кружала,
А когда прошлым летом ходил в поход,
Полонянке, как все, он залапил рот,
Чтобы, стерва, не так кричала.

В чистом поле живущий привыкнет брать,
Он вчера – оратай, а завтра – рать
И слуга полевому богу...
Поглядит, как встаёт на закате дым
И отправится пособлять своим
В молодецкую путь-дорогу.

В чистом поле лежащий запомнит зло,
Потому что в жизни ему везло
До последней проклятой ночи.
Он рукою тяжёлой скребёт бурьян,
И не белый агнец, но чёрный вран
Запахнёт ему злые очи.

А за этим полем – ещё поля,
Далеко раскинулась мать-земля,
И ни края земле, ни рая.
Лишь одни сычи да одни смерчи,
Всё кричат сычи, да летят смерчи,
Друг у дружки хребты ломают.

ОКТАБРЬ 1993-го

Этот дом мы сами поджигали,
Может, в девяностый, может, в сотый,
Тоненькую спичку прижимали,
– Ну, давай – кричали – Ну, работай!
После начинали всё по новой,
Глядя на пылающие тучи,
– Не бойсь – твердили – Это ж слово,
Матерьял простой и негорючий.

И водили скопом хороводы
В честь несостоявшейся свободы.

Зашатались каменные стены,
Чуть не рухнул небосвод от воя,
Зарываясь в душные геены,
Корчилось и плавилось живое.

Остальных – ногами добивали,
Убивали, в спешке зарывали...

Над землёй истаивает ветер
И в печной трубе волынку крутит.
– Что же будет – скажут нам – ответьте?:
Больше ничего уже не будет.
Это – небосвод тысячеликий,
Это – в чистом поле путь-дорожка.
Это – мы, и пальцы наши липки.
А варенье съела злая кошка.
1995 г.

СЛАВА

Хоть налево гляди, хоть направо –
Вот дрожит золотая дубрава,
Как ты видишь, покамест цела.
Кем накликаена старая слава,
Злая слава, великая лава,
Раскалённая вхлёт добела?

За штандартом несутся уланы,
Тарахтят золотые тимпаны
Про какой-то «вселенский Закон»,
Рассиялись Кюстрин и Фокшаны
Сквозь пустые глазницы окон.

Средь котомок и брошенных сходен,
Вероятно, мой путь безысходен,
И громада нависла стеной.
Говорит: Так на что же ты годен,
Волчья сыть, травяной, костяной?

– Отпусти меня, слава, на волю,
Ты меня прожигаешь до боли,
До горячего жара в кости.
Слишком хрупок для огненной доли,
Я не нужен тебе, отпусти!

– Не пуцу – отвечает громада –
Так и надо – твердит – так и надо,
Всё вокруг прокалю на кострах.
Кто не выдержит этого ада,
Станет перстью, развеянной в прах.

– Отпусти меня, слава, обратно,
Я не создан, ты видишь, для ратных,
А другие тебе не нужны.
Я, всего лишь, виток аккуратный,
Для тебя не имею цены!

– Не пуцу, не надейся, бродяга,
Не позволю и сделать ни шага,
Мне такого ни капли не жаль, –
Посмотри, как пылает бумага
И дробится заморский хрусталь.

– Отпусти, ведь тебя не убавит,
Не убавит тебя, но прибавит.
Где такого найдёшь задарма?

Кто венец твой злачёный восставит?
Кто в холодные строфы оправит?
Кто тебя, моя радость, восславит?
Не сама же... Куда уж сама...

Так ступай же паршивой собакой,
Ржавой цепью в отчаянье звякай
И хозяину верно служи.
Так и будет, ведь так же, однако?
Так и будет, ведь так же, скажи?

Замолкают тимпаны гнусаво,
Хоть налево гляди, хоть направо,
Уцелела родная дубрава
И, чернея, дымится межа.
Застывает и корчится лава.
Затыкается чёртова слава,
Не пройдя моего рубежа.

1995 г.

ЗАПАД

В стену как будто бы стуки весла,
Вздохи, царапанье, оклик живой.
Выйду я к окнам: округа темна.
Это, наверное, западный вой.

В небе солёная стынет звезда.
Съела дорогу ночная вода.

Ветер, я помню твой странный размах,
Твой атлантический дикий удел.
В шельдах холодных и в мокрых фортах
Ты обрывался и злобно гудел,

В каменный крест, в просмолённый причал
Рвался и чёрной водой целовал.

В третьем доме открывается дверь,
Кто-то выходит и движется вдоль
Старой дороги, но только теперь
Съела дорогу холодная соль.

Будет виднеться ему до зари,
Как на бульваре блестят фонари.

Но не припомнит, что вросши в плетень,
Била калитка о ставень пустой,
Что отрывалась такая же тень
В западный ветер, в весенний прибой,

Что вот уже как двенадцатый год
Чёрная бездна заснуть не даёт.

Буду я долго в потёмках стоять,
Пальцы прижав на дверном косяке.
Пусть мне приснится сегодня опять
Лёгкая лодка на синей реке.

Пусть не мешают мне стуком весла
Мокрые ветви, запад, весна.

1993 г.

Сусанна АРМЕНЯН

Грузия

СТОП-КАДР. ОН

Я стою на безлюдной ночной улице и жду твоего звонка. Чтобы нечаянно его не пропустить, достаю мобильник из кармана и держу в руке. Чтобы не пропустить твой звонок. Вероятность того, что на тихой ночной улице я его не услышу, даже если он будет лежать на дне какого-нибудь чемодана, придавленный всякими рубашками и носками, — ничтожна. Но я все равно держу его в руке, чтобы успеть сразу нажать на ОК и услышать твой голос (после моих перезревших и потерявших всякий смысл от долгого ожидания реплик — «Да!» или «Але!» или «Привет»). Не имеет значения, что именно я произнесу: это должно позволить тебе понять, что это действительно я и что я хочу услышать то, что ты мне скажешь. Какой-то мужик проходит мимо, объясняясь с кем-то на ходу. Я ревную. Я завидую черной завистью. Ему позвонили. Он с кем-то говорит по телефону. Он не стоит, по-идиотски застыв с молчащим телефоном в руке, и не ждет чье-то звонка. Он уже говорит! Я смотрю на свой мобильник, зажатый в пальцах, и пытаюсь его загипнотизировать. Шаги и голос того, кто проходил мимо, уже теряются, растворяются в безмолвном мраке улицы. Фонарь освещает мостовую и кусок стены противным желтым цветом. Я стою почти без движения (если не считать движения моей грудной клетки, потому что я дышу, и движения моих век, потому что я время от времени моргаю), смотрю на молчащий телефон в своей руке, как на какой-то предмет, содержащий взрывчатку. Или как на несовместимый с общественной моралью. Или как на улику, которую меня угораздило унести с места чужого преступления. Я вижу, как отодвигается занавеска в одном из незнакомых окон, и бдительная пенсионерка бросает на меня взор, полный безразличного сочувствия. Я думаю — может, стоит сделать шаг, потом еще один. Вот же он, твой подъезд. Дойти, толкнуть дверь, войти, под-

няться на третий этаж, остановиться перед дверью с наклейкой от жвачки и нажать на смешную маленькую пуговку звонка. Вдруг ты откроешь! Вдруг там, за дверью, будешь действительно ты! Но я не делаю ни первый шаг, ни второй и вместо этого смотрю на телефон, дышу, моргаю и жду, что ты сейчас позвонишь и что-нибудь скажешь.

СТОП-КАДР. ОНА

Киндза. Мята. Реган. Реган — это базилик. Тархун — это эстрагон. Они лучше всяких благовоний. Они создают почти осязаемую структуру запаха, воздействуют на эмоции. Но нельзя слишком долго их вдыхать — ощущения теряют свою остроту, может даже стать физически неприятно всё это ощущать, анализировать в каких-то ответственных за обоняние участках мозга, откладывая информацию в память... На столе разложена газета, где сушится мята. Сушится реган... Они заполняют весь воздух в комнате своим настойчивым прекрасным ароматом умирания. Эти растения больше не будут расти, совершать фотосинтез в глубине своей зеленой плоти, пускать побеги, формировать бутоны... Они высохнут и отдадут остатки своего запечатанного в сморщенных стебельках и листьях аромата какому-нибудь зимнему борщу или тушеной капусте. Хочется перестать о них думать, но тогда придется встать из-за стола, поднять выскользнувший из рук телефон, сиротливо прижимающийся к ножке книжного шкафа. И думать, как набрать эти девять злополучных цифр. И что сказать. И как сказать. А это слишком тяжело, чтобы быть осуществимым. И можно смертельно устать, даже только прокручивая эту вероятность в уме. И лучше просто продолжать сидеть и смотреть, как незаметно для глаза скручиваются в бесконечном процессе усыхания листочки и стебельки. Киндза. Мята. Тархун...

Игла в яйце, а утес в венце, это песнь конца.
Исчезает пространство-время,
Мир сворачивается в семя,
И вселенная ждет посева,
А три яблока с мирового древа
Ложатся в ладонь Творца.

Просто в этом возрасте
Люди глядят назад,
Подводят итоги, переворачивают страницы,
Думают: "Что от меня останется?" –
А ты все странница,
Все ни встрепенуться, ни остепениться,
Ни возделать свой сад.

Просто в этом возрасте
Страсть выцветает в старость.
Вести приносят вороны.
Снег засыпает ущелья. Служа.
И кажется, можно попасть на ту сторону,
Но уже не нужно.
Иным заменяют закат расстрелом.
А у тебя душа обнаружила, что у нее есть
тело,

Но что с ним делать?

Просто в этом возрасте
Дают пиры и парады,
Открывают земли и зарывают клады,
Пишут свои имена на карте,
А ты лежишь на траве на старте,
И безымянная вселенная у тебя в голове
Лениво спрашивает: "Оно тебе надо?"

Безучастная и безвольная, как волна,
Оглушительно накатывающая на
Гальку, по которой обречена
Каждую жизнь рассыпаться пеной,
Ты глядишь на солнце, мгновеньем
вознесена,
И сейчас ты им так пронизана и полна,
Что не чувствуешь дна
И катишься по вселенной.
У тебя внутри извечная тишина,
И отныне ты твердо знаешь, что не одна,
И что светом бессмертная суть твоя
рождена
И неизменна.

Марат ГАДЖИЕВ
(Дагестан). Кабриолет.
Тушь, б.

Николай НЕДРИН

Адыгея

ПЛОХИЕ ОЦЕНКИ

Одной девочке цыгане сказали, что они американцы. А еще сказали, что в Америке живут негры, которым в школе не ставят плохих оценок. Никогда не ставят, даже если они ничего не выучили. Девочка задумалась. Потом пошла к старшему брату и спросила:

– Почему неграм не ставят оценок?
 – Кто сказал? – удивился брат.
 – Американцы, – ответила девочка.
 – Подожди, – сказал брат, – дай гоблина убить! – И стал стрелять в гоблина из базуки.
 Девочка постояла, посмотрела... Ей стало скучно.

– А кто страшнее – гоблины или негры?

Брат задумался. Даже поставил игру на паузу:

– Фиг знает. Я в негров никогда не стрелял. Иди догуляй уже!

Девочка пошла на улицу, сходила к американцам, но их мама сказала, что они уехали – за металомом.

– А зачем металом? – спросила девочка.

– Ракету строить будут, на луну полетят! – ответила американская мама и пошла ощипывать курицу. – Хочешь курицу поощипывать?

– Нет! – крикнула девочка и побежала дальше. На соседней улице жил дядя

Харламий, который воспитывал мышонка по имени Петр. У Петра не хватало одной лапки, у дяди Харлампия – трех пальцев. Но все равно он был умный и всегда отвечал на вопросы. А еще у дяди Харлампия была секретная работа, поэтому заходить к нему можно только тогда, когда никто не видит.

Каждый раз дядя Харламий угощал девочку конфетами и говорил, что ее тоже возьмут на секретную работу. Если она пройдет испытание.

– А когда будет испытание? – спрашивала девочка.

– Еще рано, – отвечал дядя Харламий и доставал своего мышонка. Девочка гладила Петра и кормила хлебной корочкой.

– А если меня возьмут на секретную работу,

можно будет в садик не ходить? – спрашивала девочка.

– Конечно, можно. А ты не любишь садик?

– Не-а. Там противная тетя Тоня – она меня ложкой по лбу ударила!

– Ты, наверное, баловалась?

– Ну... Я компот вылила в суп и сказала, что не буду есть.

– Это нехорошо ты сделала.

– Знаю, – вздохнула девочка, – поэтому и маме не стала жаловаться.

– А про меня маме не рассказывала?

– Нет, ты что, меня же тогда не возьмут на секретную работу!

– Правильно, – улыбнулся дядя Харламий и погладил девочку по голове.

В этот раз, прибежав от американцев, девочка сразу спросила:

– Харламий! – (Вообще-то девочка букву «р» выговаривала, но считала ее лишней в таком имени, как Харламий.) – Ты знаешь, почему неграм не ставят оценок?

– Каким таким неграм?

– Ну американским конечно!

– Американским... Наверное, потому, что если неграм поставить плохие оценки, то будет скандал.

– Они тогда напьются водки? – предположила девочка.

– С чего ты взяла? – удивился дядя Харламий.

– Скандал – это когда одни люди напиваются водки и сильно кричат на других людей,

– уверенно сказала девочка. – А что, американцы тоже не любят скандалов?

– Не любят. Когда кто-то устраивает скандал, американцы достают ракеты и говорят, что запустят их к нам, в Россию.

– В Ра-а-сию? – удивилась девочка. – А я думала, ракету только на луну запускают!

– Разные бывают ракеты. Бывают хорошие, а бывают плохие. Девочка задумалась:

– Ракеты как люди. Ты, Харламий, всегда хороший, а вот папа только иногда. Но чаще всего плохой.

– Обижает тебя?

Девочка не стала отвечать и приказала:

– Ну, давай теперь в носорога играть!

А ночью девочке приснился сон. Как будто дядя Харламбий узнал на секретной работе, что американцы запустили в Россию плохие ракеты. И вся Россия скоро взорвется. Но дядя Харламбий сказал: «У меня глубокий подвал. Мы там спрячемся, и ракеты нас не достанут». И они пошли в подвал, но забыли Петра. Девочка стала просить: «Давай вернемся за Петром! Он же не сможет спастись!», но дядя Харламбий не разрешил. Вместо этого он дал девочке толстую курицу и велел ее щипать. Каждый раз, когда девочка щипала курицу, та вздрагивала, но молчала. Вздрагивала и молчала. До самого утра.

Из цикла «Про ЧМО»

ЧМО И КЛАССИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Как-то раз, перечитывая Чехова, ЧМО подумало, что если аббревиатуризировать понятие «образ маленького человека», то получится ОМЧ, то есть ЧМО наоборот.

ЧМО И МЕЧТЫ

Прожив порядка половины жизни, ЧМО решило проанализировать, что же волнует его больше всего? Возбуждает в возвышенном смысле слова? Заставляет трепетать? Разогревает мечты до температуры 233°C? Ответ лежал на поверхности, то есть в интернете. Больше всего ЧМО возбуждалось и трепетало от оранжевых значков с цифрой посередине, которые сигнализируют о том, что на вашу электронную почту пришли новые письма. ЧМО предпочитало не сразу нажимать на оранжевый значок, а немного пометать. Об одном из двух. Во-первых, о письме, в котором бы сообщалось, что редакция известного журнала федерального значения сочла возможным опубликовать материалы, автором которых является ЧМО. Вторая мечта заключалась в ожидании любовного послания от какой-нибудь молоденькой, не оперившейся поклонницы, которая, прослушав лекцию ЧМО по материалам, отосланным в редакцию известного журнала, сочла возможным влюбиться в автора. Конечно, ЧМО, умудренное опытом прожитой жизни,

осознавало всю ничтожность сотых долей процента возможности осуществления подобной мечты. Но на то она и мечта...

Иногда на электронную почту ЧМО приходил спам с предложением опубликовать его материалы на платной основе, в коллективном сборнике, который разойдется по библиотекам всей Руси и многим странам зарубежья. Например, по Германии и Канаде. Получив подобное письмо, ЧМО размышляло 10-15 минут, однако в конце концов удаляло послание и впадало в меланхолию. Но это был еще не самый унылый спам. Чаще всего приходили вовсе обезличенные письма, авторы которых предлагали взять в их банке кредит, купить в их магазине сантехнику или заказать тур в Турцию. Предложения посетить за границу (на платной основе) особенно сильно бесили ЧМО, так как оно было патриотом своей страны и считало, что всех, кто ездит отдыхать за рубеж, следует лишать гражданства. К тому же денег на такую поездку у ЧМО не было. Но еще больше не было смелости. И отсутствовало знание иностранных языков. Время от времени ЧМО размышляло, что оно предпримет, если на электронную почту придет любовное послание из, например, Канады. На английском (или даже французском) языке. Подвигнет ли это на изучение чуждого наречия? Или следует проигнорировать иностранку?.. Когда после очередного Нового года, проведенного в полном одиночестве и трезвости, ЧМО решило что-то изменить в своей жизни, оно зарегистрировалось на популярном сайте знакомств. Через 5 секунд после регистрации стали поступать сообщения от девушек. Точнее, посыпались как из рога изобилия. Одни девушки хвалили фотографию ЧМО, другие спрашивали, верит ли он в любовь с первого взгляда, а третьи просто заваливали виртуальными подарками. ЧМО опешило. Однако по правилам сайта, чтобы вступить в диалог с поклонницами, сначала следовало перечислить определенную сумму на определенный банковский счет. Реквизиты счета прилагались. ЧМО размышляло 15 минут...

Наконец, удалило свой аккаунт на сайте знакомств. И набрало в поисковике словосочетание «проститутки Майкопа».

ПЕРЕВОДЫ

С чеченского

Адам АХМАТУКАЕВ

Переводы Юрия ЩЕРБАКОВА

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

А моя седина родилась на железной дороге
 Раньше, чем в этот мир заявился за счастьем и я.
 Из военных времён, из далёкой жестокой

эпохи
 Между рельсов бездушных струится судьбы
 колея.

Я не слышал колёс и тоскливый, и горестный
 клёкот,

Их надсадный протест, и стальную нелепую
 прыть.

Но кипит моя совесть неистовым горным
 потоком,

Что родимую землю не в силах ничем
 оживить.

Я впитал до рожденья глухое проклятое
 время –

Время боли, разлук, неотмщённых обид и
 потерь.

Только пламя надежды, моё согревавшее
 племя,

Помогло одолеть и разлуку, и горе, и смерть.

С той надеждою мы не сломались, вернулись,
 воскресли.

Только чудится мне до сих пор до удушья,
 до слёз

На железной дороге печальная скорбная
 песня

Увозящих в изгнание старых вагонных колёс.

СЕМЬЯ

Семья большая сыновей немало
 Взрастить смогла под общим одеялом.

Родителей состарил века ветер,
 И у детей уже родились дети.

Вон во дворе их шумная орава –
 Заслуженная дедушкина слава!

А бабушка живот от внуков прячет,
 Где зреет жизнь... Такая незадача!

Пройдут года, и юная богиня
 Невестой дом родительский покинет.

А без неё, без поздней и любимой,
 Для братьев опустеет дом родимый...

ЗЕМЛЯ ОТЧИЗНЫ

Закрyla горы коршуньячья стая,
 И каждой жилкой жаждал я ответа:
 Неужто жизнь сиротская, пустая –
 Лишь подаяние от бела света?

Хрипела гордость в непокорной песне,
 Упрямо отвергая злую долю.
 И верил я: моя Чечня воскреснет
 И даст мне счастье на отцовском поле!

Я не бросал в мороз дечиг-пондара,
 Натягивая солнечные струны.
 Наперекор угрозам смертной кары,
 Они звенели песней, вечно юной!

Нет злобы в сердце, в нём рубец навеки
 Оставлен горьким временем разбоя.
 Горжусь судьбой остаться человеком –
 Не подаянья ждущим сиротою!

Напевы гор не выжжены пожаром,
 И потому всегда во имя жизни
 Откликнется душа дечиг-пондаром
 На зов моей несломленной Отчизны!

УВОЗ НЕВЕСТЫ

О, только ли адаты виноваты,
 Что мучаешь любимого сейчас?
 Как будто не звучали ваши клятвы,
 И не сказали губы главных фраз!

Ты медлишь. Заждались уже джигиты,
 И ружья заждались команды: «Пли!»
 И мать, чтобы заплакать деловито,
 И весь аул, чтоб грянуть: «Увезли!»

БОЛЬ ОДИНОЧЕСТВА

Боль одиночества... Наверное, она
Из этих лунных нитей сплетена.
И не напрасно кажутся тебе
Они да сплетни главными в судьбе.
Окно напротив. Молодая мать
Ребёнка кормит. Лунный свет сосать
Он начинает вместе с молоком.
А мать – тебе сочувствует тайком.
Рассвет холодный выпил чашу сна,
И втягивает щупальца луна.
А радио гремит – сойти с ума!
Там вести – только миг, как жизнь сама.
Окно напротив. Молодая мать
Ребёнку улыбается опять.
На чердаке тоскливый ветра вой
Над колыбелью, брошенной тобой...

* АЛЬБОМ

В нём прошлое за годом год
На фотографиях живёт.
Вот мама. Вот отец один.
А вот и я – их младший сын.
Здесь, мамин отпустив подол,
Гляжу с опаскою на пол.
И не решусь пока никак
На самый первый в жизни шаг.
Молитвы наступает час.
«А нам опять творить намаз?» –
Я спрашиваю без конца
На старом фото у отца.
Свидание у родника
Осталось тоже на века –
Такого счастья ждал жених,
Как у родителей своих!
А вот вечерний сельский сход,
Где старцев слушает народ.
Закатом здесь освещена
За ними кладбища стена...
Там, где ряды могильных плит,
Отец лежит, и мать лежит.
Без них, родимых, неспроста
Мир чёрно-белым фото стал...

ТЕНЬ

Когда шагаю солнечной тропой,
Тень за мою прячется спиной.
Собьюсь в пути, свою судьбу кляня, –
Тень впереди, чтоб пристыдить меня...

ЗАКРЫЛАСЬ...

О, если б эта мода не кипела,
Как молока мгновенная волна!
Из мини в миди загоняя тело,
На пораженья ты обречена...
Нелёгко жребий: макси, миди, мини...
За модой не утонишься уже!
И тело драгоценное отныне
Ты доверяешь только парандже,
Которая – и крепость, и темница –
Теперь всегда безрадостный наряд...
Но рвётся на свободу, словно птица,
Из заточенья твой лукавый взгляд!

СМОТРИНЫ

Покажется невеста и сноха
Сегодня на пиру у жениха.
И свадебной гульбы водоворот
На улицу горячку унесёт.
Как этот путь порой бывает мал –
От брани до хватанья за кинжал!
Но старцы-аксакалы тут как тут –
Веселье в русло прежнее вернут.
Показ невесты... Очень важный миг –
Сейчас «развяжут девушке язык» .
Но главное, чтобы жена потом
Работала поменьше языком!
* * *
Крутою бесконечною тропой
Карабкался за солнечной судьбой.
Казалось: на вершине обрету
Я настоящей жизни высоту.
Но миражом, увы, мечта была:
Не окрылила душу – обожгла.
И невозможно повернуть назад –
Зияет пропасть под мостом Сират...

С азербайджанского

РОВШЕНИ

* * *

Новости
бывают еще?
Ни-
каких?
Кто-то
еще смешает
наши тени
с нашим пеплом
и вольет в эту смесь
слезы влюбленных
чтобы получился
эликсир молодости

Новости
бывают еще?
Ни-
каких?
Найти
на холодных тропинках
смерти
сердце
ангела
или
космос
танцующий
яллы^{*}
в блокноте
небес
звезды
ноты
воскрешения

Новости
бывают еще?
Ни-
каких?
Танцор
забывший
свои
подскоки
примется
затыкать

пробоины
мироздания
чтобы еще больше
психовали
крысы
бегущие
с тонущих
кораблей

А еще
а еще
новости какие?
что слышно-то?
ничего
ничего
ничего

* * *

Мерт
вый взгляд
твой
кость
брошен
ная рычащим
псам
пустоты

Веки
твои
качают ко
лыбель
мишень
в тире
смерти

Смерть
ангел
мой
это
другая
жизнь
открытая
другим
чудесам

* Яллы – азербайджанский народный танец (прим. автора).

Ляtif КАМИЛЬ

ОТКРОВЕНИЯ ЗАРАТУСТРЫ

И увидели наши глаза,
словно не хватало нам увиденного
и того,
что предстоит увидеть,
растеряв зрение...

И слышали наши уши,
словно не хватало нам услышанного
и того,
что предстоит услышать,
растеряв слух...

...превратились мы в путников
и в дальней дороге лишились дыхания,
как фальшивой монеты,
чтобы прожить
еще большую жизнь
после
жизни.

ГИЛЬГАМЕШ

Смерть не коснется тебя,
если жива твоя собака
и не бьется в конвульсиях твой конь,
если опутаны ноги твои
ранами земли,
как цепями...
Если снятся
покорные самоубийцы
и усталые путники взывают безмолвием
к тебе –
смерть,
поверь мне,
не коснется тебя.

Перевод В. РЗАЕВА

Расим КАРАДЖА

МОНЕТА

зажав пальцами монетку
готовлюсь дать ее женщине
каждый день побирающейся
на ступеньках подземного перехода
эта мелкая монетка в радостном нетерпении
то путается между моими пальцами
то подпрыгивает и падает наземь
но женщины

сегодня нет на месте
видимо на то есть какая-то серьезная
причина
ведь каждый день
ее можно было увидеть
возле именно этой урны
кажется у монетки испортилось настроение
тихо застыла она в моей ладони
лишь теперь я заметил
насколько она холодна

ЛУЖА

посмотри-ка
даже эти маленькие грязные лужи
отражают солнце

Из цикла "Вещи"

КНИГА

никому не взбрело на ум
поменять эту книжку
вот уже столько лет
подложенную под шифоньер для балласта
сборник стихов
из серии
первая книга молодого автора

ПАРУС

на пляже
расстелив старый парус на песках
закусываем сидя на нем
сшитый из желто-лазурного брезента парус
теперь наполнен не пустым воздухом
а закусывающими
пьющими вино
хохочущими
живыми людьми

ШЛЕПАНЦЫ

словно верные супруги
повсюду ходят вместе
сплетничают
взбираются друг на дружку
не дай бог
если порвется один
то и со вторым расправятся...
и поэтому шлепанцы берегут себя
души друг в друге не чают

Переводы Ниджата МАМЕДОВА

АКШИН**ВЕТЕР**

всю ночь дул ветер
 обветшалые
 городские деревья
 не заснули до утра
 расцарапали воздух
 кончики веток.
 всю ночь дул ветер
 я стерпел этой уличной бляди голос
 ее завывающую ругань.
 мне стало жаль
 бросившееся с верхнего этажа
 зарубившее эту шваль
 оконное стекло...
 всю ночь дул ветер
 я слушал до рассвета.
 ослепших домов
 взбесившиеся хлещущие себя
 калитки.
 под утро сонная муха упала
 в тугую сеть
 бессонного паука
 ветер затих...

Перевод Ниджата МАМЕДОВА

Фикрет ГОДЖА

Один был разбойником,
 Но – благородным.
 Другой был воителем –
 Но благородным.
 Третий был нищим,
 Но – благородным...

Откуда ж в потомстве
 полно подлецов?
 Куда утекло благородство отцов?..
 Вот что меня угнетает сегодня...

Перевод Алины ТАЛЫБОВОЙ

САЛАМ**ЛИНИИ**

Ладони стариковских рук,
 раскрытых перед гадалкой,

показывали всё то же самое:
 “В 17 лет
 найдешь свою любовь...”.

ЛЮБОВЬ

Бомж, каждый день собирающий
 хлебные корки из мусорных ящиков...
 на сей раз собирал
 выброшенные увядшие цветы
 своей подруге в подарок.

МОСТ

Сегодня я узнал, что
 поверхность воды
 и есть самый надежный мост –
 никогда не обрушится, не упадет.

ТЯЖЕСТЬ

Надгробье умершего силача –
 последний камень,
 поднятый над головой.

ЖИТИЕ

В грозу забегаю домой,
 в землетрясение выбегаю наружу.
 Для перемещения
 нет иных каких-то причин.

МУЖЧИНЫ

Хлеб, добытый тысячей мук,
 делит дома каждый вечер –
 каждому кусок:
 детям, жене и себе,
 и в мышеловку чуток...

НАСТРОЕНИЕ

Тоскую...
 мысли кружатся вокруг тебя,
 хождением по комнате
 я проторил тропу
 на паркетном полу.
 Порой по “тропинке” той
 на велосипеде катается
 мой маленький сын.

Переводы Ниджата МАМЕДОВА

Переводы Лилит МЕЛИКСЕТЯН

С армянского

Эдуард АРЕНЦ

Кого спасаешь
От камней,
Тот верного не знает
Слова...
Кому даешь свои
Слова,
Камень кинуть в тебя
Рад...

И я немею –
только б ты сама.
А ты вдруг глохнешь –
только бы я сам.
И наши души
стесняются друг друга,
а между ними
есть некое Если,
полное света,
но что это за грусть?..

Армен САРГСЯН

Мне хотелось забыть тебя,
ластиком стёр твой карандашный
портрет, сдул его с листа,
и теперь по всей моей комнате – ты...

В маленькие города
автобусы счастья не ходят,
хотя я всегда о них слышал,
знаю, они красного цвета
и рекламируют колу,
на бутылках которой
никогда не искал твоё имя,
у автобусов счастья нет остановок
и в больших городах:
в больших городах остановок вообще
не бывает...

Асмик СИМОНЯН

ТЫ УШЕЛ...

меня никто не любил так как ты
и никто как ты не бросал
я писала имя твое на мнущихся листках
а с далеких небес слеталось воронье -
рассказать о тебе

я вгрызалась в стены как в сахар -
меланхолия ложилась на мои дни
тонкими лимонными дольками
я выпивала воспоминание о тебе
чашечками крепкого чая
бесконечно
бесконечно
бесконечно
но ты не приходил

хотя ветер швырял имя твое мне в лицо
и двери закрывались передо мной
и часы оглушенно кричали:
почему ты так и не пришел
почему ты не вернулся

почему ты не вернулся
почему ты не вернулся
в интернете нашла твое фото
поцеловала просвечивающий хребет
провела пальцем по твоему уху
и теперь когда хочу вспомнить свое лицо
вспоминаю твой профиль
на фоне бесформенной и неодушевленной
толпы
потом ты пришел в футболке потом -
в чем-то с длинными рукавами
но вот в пальто не пришел
я не увидела как ты мерзнешь зимой
не успела согреть твои руки
не спела для тебя
не прочла тебе
мы только поговорили
долго-долго
долго-долго

ты был болью в моей голове
был порчей в зубе моем
колени мои подгибались
и в моем теле ныло твое отсутствие
и ни одно лекарство не знало о тебе

имя твое шелестели деревья и зеленели у меня
на глазах

имя твое излечивало мои не спавшие
по ночам и плохо видящие глаза
и они ясно видели цифры и буквы и даже
номер
приближающейся к остановке маршрутки

имя твое писала на листках –
в виде каракуль собственной подписи
ведь в конце концов какая разница –
твое это было имя или мое
ты же хорошо меня знаешь
лучше всех
лучше всех

рядом с пустыми и стертыми словами
никогда не было тепло
и не будет
самым теплым местом для меня был ты
я бы похудела ради тебя
ухаживала бы за своей кожей и ногтями
стала бы ради тебя самой красивой
как же я некрасива
прости
что больше никогда не вернешься

буду искать тебя среди подростков-девиц
и обманусь
буду искать тебя среди мужчин
и не найду
сердце невыносимо защежит от тоски
по тебе

заговорю о детях – расплачусь
и всех удалю
потому что без тебя
мне до них дела нет
потому что ты был о них
но они – не о тебе
не о тебе

почему ты застыл в моей стеклянной чашке
чая

почему больше не поешь
лежа в сточной воде твоего отсутствия
я в ознобе загибаю пальцы:
имена тех с кем мне было тепло
на чьей груди мои одеревеневшие пальцы
оттаивали и стекали внутрь тела
и случайные потрясения во вселенной
и революции – кровавые снежные дождевые
и соскальзывающие с престолов
или вцепившиеся в свои троны цари
с их подмерзшими задами –

все не стоят и кочерыжки
когда ты так далеко

а ты ушел куда-то дальше даже водных
глубин
и если выключу свет и начну без конца
ощупывать тьму – тебя все равно не будет
и начинающий брезжить мой свет
не поцелует тонкокаёмную синь вен
твоего лба
твоей руки
твоей груди
с тобой было бы нелегко, но и без тебя
не то
не то и никак
потому я так долго говорю о тебе
долго-долго
чтобы ты истончился
растаял стал пылью ушел
из капилляров моих слов
языка
губ
носа
ушел далеко
ушел

чтобы ты просто ушел
моя кожа
моя кость
боль аорты моей
и моя затекшая рука
не уходил бы, но ушел
не оставался б но остался
чтобы я накрыла тебя одеялом
поцеловала бы
и потом –
ты ушел

Арам МАМИКОНЯН

ЛУНА

разбитый, как тарелка с завтраком,
не поднятая мною с пола,
я закрыл глаза, потом зонт, а после
– дверь палаты,
пока из чёрных луж твоих глазниц
выплывали утонувшие русалки,
смерть была неспешна и бела
– полуприкрытый глаз медсестры,
подглядывающий за движениями тел
в лазури сна

надежда была не только желанием
или страшным признанием –
из тех, что можешь сделать лишь
на балконе,
своей сигарете,
потом, словно слово, выплюнуть
вкус его в пепельницу,
безжалостно накрыть тело,
обжечь палец и выругаться вволю

умиротворённость – сестра моя,
научившая жить во грехе,
в мыслях, и древе, и в благодарности,
палец, что скользил вниз по телу Иисуса,
стройному, словно у птицы,
а после утренний ряд наших малых
побед,
измеряемых минералкой – глотками,
и только одна молитва, платком
прикрывавшая рот

я помню об этом, о чём-то ещё
и о трупике птицы,
чьи крылья раскачивал мальчик,
сначала лимонные дольки
шмякались в стопку водки,
в конце пустую бутылку
я толкнул ногой под кровать,
а утром вновь собирался увидеть тебя

о, всепожирающая пустота, миг,
когда всё кажется только лишь бредом,
игрой ума,
ненавижу признания – влагу глаз,
когда взгляд уклоняется, бьётся о стенку,
вновь поднимается, чтоб отдалиться,
уйти...
в толпе так удобно: в столкновениях плеч
отметаешь всё лишнее,
пока ложатся под нож дни твоей
опытности,
воспоминаний, возможно, и большего,
чем когда пишешь эти слова
– тайные знаки твоего разочарования
довлела погода смерти, пары
расстрелянных глаз,
к тому же зима, как помнится,
хотя не было снега, только бинты
– белые, красные и побелевшие снова
о, мы умеем отчаянно двигать руками,
рушиться на пол и не собираться обратно

мы незаменимы в нашем искусстве
смирного самокрушенья

умиротворённость, сестра, ты же знаешь,
февраль – это нож, что в вышине
ты качаешь на пальцах,
а потом отпускаешь,
а я – я веду свой рассказ об одной
фотографии,
где Э. бесконечно добра, а у М.
твой взгляд,
и жизнь начинает горчить,
торжественно и полновесно,
как пивные бокалы,
когда мы чокаемся и пьём – за тебя

Ованес ГРИГОРЯН

Ребенок плачет, – говорил мой папа.
И мама срочно звала меня домой,
Чтобы он убедился, что с его сыном
ничего не случилось. А вообще
его слух ухудшился после войны,
он почти ничего не слышал,
кроме моего плача. И часто отрывал взгляд
от газеты, напряженно всматривался в окно:
– Ребенок плачет, – говорил он и
беспокойно,
кое-как вставал на болящие ноги и начинал
мерить комнату из угла в угол...
И мама выбегала на улицу, отрывала меня
от игры,
приводила домой, чтобы папа убедился, что
с его сыном ничего не случилось. Хотя,
как потом удивленно призналась мне мама,
папа часто оказывался прав
и в девяноста случаях из ста
она находила меня горько плачущим,
с разбитыми коленками или потерявшим
мяч...

...А когда потом, через много лет, папа умер
и я громко рыдал у его гроба, моя мама,
затуманенным взглядом глядя на
умиротворенное папино лицо,
с горьким упреком и недоуменно
говорила:

– Как же ты теперь далеко от нас, что твой
сын
под боком плачет на весь мир, а ты –
ничего не слышишь...

Бату ДАНЕЛИЯ**ГОРОДСКОЙ ДОЖДЬ**

Бродит дождь по улицам пустым,
Мокрый сквер читает, как газету.
Гимном для Всевышнего пропета
Эта песня с ритмом городским:
Дождь идет! Я – вместе с ним.

Брызжет сок из перезрелой тучи.
Серый дом, пропитанный уныньем,
Так под стать моей тоске старинной.
Дождик горсти слез своих горячих
Мне дарил. Да, он хотел – как лучше...

Вечный дождь, над городом склоняясь,
Моноotonно шелчет откровенья.
На асфальт роняет ожерелья –
Пусть они, на капли разбиваясь,
Смоют с улиц давнюю усталость...
Дождь идет.

Перевод Сусанны АРМЕНЯН

Зураб РТВЕЛИАШВИЛИ**ШУМ**

Золотой ветер в тишине
золотой ветер
тайно шепчу желание
остаться в этом шатре
Не играть с мелкой зыбью
в золотой воде
Тайно шепчу желание
обратить в золото
воду и ветер
Заплетать с легкостью ветра
косы дорог...
непроходимые чащи
будят желание...
Золотой ветер в тишине
золотой ветер
Вливаюсь счастливый
в шальные потоки

Пусть не пробиться мне
золотым лучом
к развилкам дорог
пусть душит желание
не заполнить
золотую тишь...

Теона БЕКИШВИЛИ

* * *

Моей сестре Нино

Я и ты,
Соломенные куклы,
Смешны,
Растопырены руки,
Расставлены ноги,
Всколочены космы.
Безвольно висят
В старушкином детстве,
Бабушки нашей –
Ее схоронили
два года назад.
Не додали слез ей,
Не додали горевания.
И все же
Время от времени
Подует ветер холодный,
Подбросит соломинки
К колючей могиле,
Соломенных кукол –
Меня и тебя.

Переводы Ады ДЖИЛАВДАРОВОЙ

Майя МИКАБЕРИДЗЕ

* * *

Дайте мне ручку,
дайте бумагу
белую,
чтобы сумела я
изобразить цветы
и их на ветру колебание,
Чтоб взгляд описать немой,
проникнутый тихой болью,

и ощутить ласку неба
в момент обрывания стебля.

ОЖИДАНИЕ

Придешь,
когда туманов молоко
впитают травы,
когда сиреневый рассвет переродится,
когда окно прильнет
к порыву ветра,
когда дома все двери распахнут,
сердцам подобно.
Ты тогда придешь,
когда мечта лучом вонзится
в землю,
когда стакан возжаждет
быть испитым
и возжелает лес
дождя с небес,
когда сиянье страстное листвы
прогреет солнце,
пыль приворожив.
Придешь, как сон, как путник,
как росинка,
как слово оброненное, как тень,
придешь, когда
все семь цветов подковы
забудут небо.
Поздно ты придешь.

Переводы Марины ЛАМАР

Темо ДЖАВАХИШВИЛИ

моросит грибной дождь
и облака ушли со сцены за окном.
с черно-белого фото нежно улыбается
девочка.
а старик уперся лбом в стену
вернее, в свою сморщенную руку
и тайком утирает морозящие слезы.

я убийца... убийца...
убийца мысли,
которая потихоньку, вероломно
по капле отравляла дни.

я убийца —
я утопил ее в стакане вина.

лягушка смотрит в серый монитор
ребёнок смотрит в серый монитор
мир смотрит в серый монитор
включите нам!
включите нам!
включите нам!
Цветную жиз... ээхх!..

собака потеряла хвост
потеряла война война
потерял воин жизнь
потеряла жизнь смысл
потеряло смысл слово
потеряло слово человека
потерял человек Бога
а собака потеряла хвост

Переводы Анны ГРИГ

Давид РОБАКИДЗЕ

Мои чужие — мои же овцы,
И я их пастух.
Однажды проник в строение волк
незаметно
И выкрал ягненка, овцой рожденного.
Смертью одною окончен был день тот.
Сегодня же овцы мои обернулись волками
И я — звездный пастух. Я — луна.

ПЕРЕЖИВАНИЯ

1. Из прищуренных глаз солнце сегодняшнее
буквами золота вошло в свою незримую
историю.
2. Будто вены мои перерезаны, — самолето-
м небо размежено, словно кровью, ды-
мом залито, шумом смерть приближалась
бесцветная.
3. С чурчелой многоэтажной самолет
столкнулся, бабушка доставала ее как раз из
кастрюли с пеламуши, а я ладони готовил
подставить под стекающие сладкие капли.

Переводы Дмитрия ЛОСКУТОВА

Лия СТУРУА

О РАЗНЫХ РЕБРАХ

Ребро болело. Смесь из розы с ядом
В бокале на невидимом столе,
И время, и пространство одолев,
Учила роль мою – всегда быть рядом.

Ни имени не знать, ни одеянья.
Водить тебя по голубой траве
С венком на непорочной голове.
Но тихо зрело тайное желанье,

Чтоб ты постиг, как плохо без меня,
Взял лук тугой и оседлал коня,
Увидел смерть в глазах у кроткой лани,

Ночь чёрную, подушки мягкий свет
И утомлённый ласками рассвет,
И золотое яблоко познанья.

* * *

Как сладок лени мёд в конце войны!
Им приправляю бархатную кашу
Из молока и солнца в синей чаше
Прозрачных сумерек моей вины.

И правду, горькую, как чёрствый хлеб,
В ней размочив, старательно глотаю.
И, онемев, отчаянно латаю
Прорехами зияющий рассвет.

Но ваши похвалы – всё та же брань!
Бог мой, какая золотая грань
Меня от прочих смертных отличает...

И вновь меня спасает терпкость чая,
Овечий сыр, просоленный насквозь,
И "Витязь" мой при свете красных роз.

* * *

Поверю, что дома тепло и уютно.
Сквозь синий экран в кокаиновом сне
Огромными хлопьями падает снег,
И я растворяюсь в сиянии смутном.

Тягучая ложь сериала заменит
Мне всё, что так ранит в реальности дня.
Мерцанием льда – гениальность огня.
И лёгким пасьянсом – святое знаменье.

Сто серий о сером желании жить
Не хуже других. Ты старался напрасно,
Господь мой! Пустыням нужны миражи.

...Но ночью проснуться смертельно опасно!

МНЕ СТРАННО

Спаслась от смерти. Радуюсь? Не знаю.
Не преступила чёрную кайму.
Но готику, что вырвалась во тьму,
Я с верой и свечой не догоняю.

Бумажные цветы вокруг. Кому?
Вощёная верёвка. Я, босая,
Во сне стулени серые считаю
И, мёртвая, бегу, бегу – к нему!

Меня спасли. Но, видно, сроки вышли.
Мысль странная мне голову томила,
Что из Тбилиси в рай – кратчайший путь.

Глаза открыть, и в этом смысл и суть:
В его руках пригоршня спелой вишни...
Но как проснуться – ведь меня убили.

Переводы Марии ФАРГИ

Марат ГАДЖИЕВ
(Дагестан).
Сон. Тушь, б.

ОБ АВТОРАХ

Ованес АЗНАУРЯН (1974) окончил Ереванский педагогический институт, факультет истории и основ права. Печатался в изданиях: «Литературная Армения», «Эмигрантская лира», «Нева», «Дружба народов», «Октябрь», «Урал» и т.д. Автор книг повестей и рассказов «Симфония одиночества» и «Симфония ожидания». Участник мероприятий Фонда СЭИП (С.А. Филатова). Шорт-листы литературных премий «Русский Гулливер» и им.И.Бабея. Член Клуба писателей Кавказа.

Кирилл АНКУНДИНОВ (1970) окончил филологический факультет Адыгейского государственного университета и аспирантуру Московского педагогического государственного университета имени В.И. Ленина. Кандидат филологических наук. Доцент кафедры литературы и массовых коммуникаций АГУ. Как критик печатался в журналах «Новый мир», «Октябрь», «Знамя», «Москва», «Литературная учёба», «Литературная Адыгея», в газетах «Литературная газета», «Литературная Россия» и во многих других профильных изданиях. Входит в список 50 лучших литературных критиков России по опросу газеты «Литературная Россия» от 04.02.2005. Автор поэтических сборников «Магнит» и «Пёстрая лента». Публиковал свои стихи во многих коллективных российских и зарубежных сборниках. Занимается поэтическим переводом, в том числе, адыгейских поэтов. Два десятилетия руководит майкопским литературным объединением «Оштен». Лауреат премий Т.М. Керашева, газеты «Литературная Россия» и журнала «Бельские просторы»). Награждён медалью Министерства культуры РФ в честь юбилея А. П. Чехова.

Сусанна АРМЕНЯН окончила филологический факультет Тбилисского государственного университета. Член редколлегии периодического издания «Лист О.К.АБГ» Ассоциации литераторов «АБГ». Публиковалась в местных и российских литературных изданиях: «Вавилон», «Контрабанда», «Литературная газета», «Юность», «День и ночь», «Дети Ра» (переводы) и др. Автор поэтических сборников «у.единение», «Треуголка» и книги «Ильяздовский веночек сонетов». Обладатель гран-при конкурса молодых русскоязычных литераторов Грузии. Стихи переведены на грузинский и шведский языки.

Адам АХМАТУКАЕВ (1961) окончил физико-математический факультет Ставропольского пединститута. Стихи и проза публиковались в перио-

дической печати и коллективных сборниках: «Час рассвета», «Затмение», «Возвращение», «Какой долгой была та зима», «Всё - для тебя», «Огонь неугасимый», Соавтор «Антологии чеченской поэзии». Автор шести книг. Член Союза писателей России. Член правления Союза писателей Чеченской Республики. Член Клуба писателей Кавказа.

Марат ГАДЖИЕВ (1968) окончил Дагестанский политехнический институт. Учредитель и главный редактор литприложения «Горцы» к газете «Дагестанская правда». Организатор Дагестанской книжной ярмарки «Тарки-Тау». Директор общественной организации «Кавказский дом переводов». Главный библиотекарь Национальной библиотеки РД им. Р. Гамзатова. Художественный редактор издательского дома «Дагестан». Автор идеи и соредактор альманаха «Кавказский экспресс». Участник многих художественных и фото выставок, в том числе, персональных. Член Союза журналистов России. Обладатель дагестанской журналисткой премии «Золотой орёл».

Маргарита ГЕВОРКЯН родилась в Тбилиси, Живёт в Ереване. Преподавала в школе русский язык и литературу, заведовала кафедрой журналистики в Российско-армянском (Славянском) университете. В период становления министерства территориального управления РА участвовала в формировании отдела по связям с общественностью. В настоящее время является директором фонда «ДАР».

С 2012 года член редакционной коллегии литературно-художественного и общественно-политического журнала «Литературная Армения». Публикуется с 1990-х годов — в Армении, России, Грузии, Украине, Бельгии. Работы экспонируются, находятся в частных коллекциях. Автор книги «Абрикосовый иней»

Рубен ИШХАНИЯН (1986) окончил Российско-Армянский государственный университет по специальности маркетолог. Учился в магистратурах Института международной экономики и бизнеса (ИМЭБ) и Российского Университета Дружбы Народов (РУДН). Участвовал в Форумах молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья фонда СЭИП (С.А. Филатова). Составитель антологии грузинско-армянской прозы «Мтацминда» (2013). С 2014 генеральный директор издательства «Оракул». Член Русского ПЕН-клуба. Лауреат конкурса русскоязычных поэтов Закавказья в Тбилиси.

Мариям КАБАШИЛОВА окончила филологический факультет ДГПУ в Махачкале. Публикации в журналах «Дружба народов», «День и Ночь», «Юность», Prosōdia, «Этажи», «Особняк» и др. Автор трёх поэтических книг. Участница Форумов молодых писателей России в Липках и Международного форума молодых поэтов в Баку. Сборник стихов «Вода» вошёл в список литературной премии «Московский счёт», поэтическая подборка – в шорт-лист литературной премии «Живая литература».

Николай НЕДРИН (1981) окончил филологический факультет Адыгейского госуниверситета. Неоднократно участвовал в Форумах молодых писателей России и стран зарубежья, а также в Совещаниях молодых писателей республик Северного Кавказа Фонда СЭИП (С.А. Филатова). Стихи и проза публиковались в журналах «Литературная Адыгея», «Вайнах», «Нана», «Арион», «Воздух», «Звезда», в коллективных сборниках лито «Оштен», «Танкетки: антология», «Новые писатели», «Узнай поэта», в альманахе «Василиск», а также на литературных сайтах «45 параллель», «TextOnly», «Новая реальность», «Полутона» и др.

Лилит МЕЛИКСЕТИАН литературовед, переводчик. Кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русской и мировой литературы и культуры Российско-Армянского (Славянского) университета (г. Ереван, Армения). Автор, создатель и куратор проекта «Арт-Аквариум», руководитель Литературного клуба РАУ. Указом президента РФ награждена медалью им. А.С. Пушкина

Фазир МУАЛИМ (Джаферов) учился в Дагестанском госуниверситете на факультете иностранных языков, окончил Литературный институт им. Горького (семинар поэзии Владимира Цыбина). Учредитель и руководитель Махачкалинского литературного клуба «Верба». Публиковался в газете «Литературная Россия», в журналах «Дон», «Новая Юность», «Нана», «Вайнах», «Дарья». Член Союза писателей России. Автор пяти стихотворных сборников.

Анна ПОЛЕТАЕВА окончила факультет прикладной математики Ереванского государственного университета. Стихи публиковались в альманахе «Паруслов» содружества рок-поэтов «Даждь», в журналах «Край городов», «Кольцо А» и во многих других. Автор сборника стихов «Лапушкина книжка». Член Союза Российских писателей.

Владимир САРИШВИЛИ (1963-2018) окончил факультет русской филологии Тбилисского го-

сударственного университета. Доктор филологических наук, сонетолог. Заведовал отделом внешних связей Союза писателей Грузии. Состоял в Союзе переводчиков России. Учредил и возглавил Ассоциацию русскоязычных литераторов и деятелей культуры Грузии «Новый современник». Стихи и статьи публиковались в «Литературной газете», в журналах «Радуга», «День и ночь», «Голос Кавказа», «Русское поле», «АБГ» и в других местных и зарубежных изданиях. Автор стихотворных сборников «Стихи. Поэмы. Переводы», «Afterlife»; «Осенняя жатва», сборника авторских переводов «Малая антология грузинской поэзии (XIX-XX вв.)».

Гурам СВАНИДЗЕ (1954) окончил филологический факультет (отделение журналистики) Тбилисского государственного университета и аспирантуру Института социологических исследований АН СССР в Москве. Кандидат философских наук. Автор ряда научных статей по проблемам глобализации, гражданской интеграции, эмиграции и др. Публиковался в журналах «Нева», «Дружба народов», «Волга», «Сибирские огни», «Новая Юность», «Урал», «Неман» и др. местных и зарубежных изданиях. Автор прозаических книг «Городок» и «Тополя». В Москве в издательстве «ЛитСовет» вышел сборник рассказов. Лауреат литературного конкурса «Бекар» и премии журнала «Русский переплёт».

Саида СУБХИ «международник» по первому образованию, окончила также магистратуру практической психологии МАУПа (Киев). Публиковалась в сборнике «Плеяда Южного Кавказа», в журнале «Литературный Азербайджан» и в другой профильной периодике. Лауреат конкурса «Лучшее стихотворение года» (Баку, 2011 г.) и конкурса русскоязычных поэтов Закавказья (Тбилиси, 2012 г.).

Алина ТАЛЫБОВА окончила Бакинский университет иностранных языков. Редактор отдела поэзии журнала «Литературный Азербайджан». Член Союза писателей и Союза журналистов Азербайджана. Как поэт и переводчик регулярно печатается в различных республиканских и зарубежных изданиях. Автор трех сборников стихов и переводов: «99-й год», «Притяжение небес», «Московская баллада». Редактор и составитель нескольких антологий прозы и поэзии русскоязычных авторов Азербайджана. Призер конкурса «Согласование времен», (Германия), победитель Второго Международного конкурса поэтических переводов с тюркских языков «Аль Торан» (Уфа). Стипендиат Международного Литературного Фонда. Обладатель «Золотого пера» – высшей журналистской награды республики.

Анаит ТАТЕВОСЯН окончила факультеты общего языкознания и социологии СМИ Свободного гуманитарного университета (Ереван) и факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. Кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русской и мировой литературы Российско-Армянского (Славянского) университета. Печаталась в армянских и зарубежных литературных изданиях. Лауреат ряда литературных конкурсов. Автор стихотворных книг: «Циациан (Радуга)». (на русском и армянском языках), «Полет навстречу Солнцу», «Петербург: признание в любви». «Игра в города».

Ася УМАРОВА окончила Чеченский государственный университет и Кавказский институт СМИ в Ереване. Публиковалась в журналах «Дружба народов», «Юность», «Звезда», «Нева», «Пролог» и во множестве других отечественных и зарубежных изданий. Как график выставлялась в России, Америке, Италии, Швеции, Германии, Бельгии, Польше и Грузии. Стипендиат Министерства культуры РФ. Участник Совещений молодых писателей Северного Кавказа и Форумов Фонда СЭИП (С.А.Филатова). Проза переведена на грузинский язык. Дипломант конкурса русскоязычных литераторов Грузии. 3-место в Литературной универсиаде Северо-Кавказского федерального округа (диплом).

Паола УРУШАДЗЕ окончила Грузинский государственный театральный институт им. Шота Руставели, историк театра, кандидат искусствоведения, шекспиролог. Автор пяти стихотворных сборников и книги переводов Галактиона Табидзе. Стихи печатались в журналах «Литературная Грузия», «Юность», «Дружба народов», «Русский клуб», «Новый ренессанс», «АБГ», «День и ночь», в альманахах «Дом под чинарами», «На холмах Грузии», «Поэзия», «Мансарда», «Путь дружбы», и др..

Александр ХАКИМОВ (1960) окончил биологический факультет Бакинского госуниверситета, а также международные курсы киносценаристов. Снялся в нескольких художественных фильмах. Автор 13 книг в жанре – фантастика, сказка и публицистика. Книги Александра Хакимова переведены на венгерский и болгарский языки. Член Союза писателей и Союза журналистов Азербайджана.

Баадур ЧХАТАРАШВИЛИ (1952) окончил Грузинский политехнический институт, аспирантуру МИСИ, заочный университет искусств. Член Международной федерации художников (IFA). Публиковался в журналах «На любителя» (США), «Зарубежные записки», «День и ночь», «Южная звезда». «Дагестан», «Кольцо А»; литературно-исторический журнал «Что есть истина?». Роман «Хроника Колхиса» вошел в «Длинный список» Русской премии. Под псевдонимом Vakeli публикует краткие исторические хроники на Общественном портале. Лауреат премии «Гранат».

Инга ЧХЕИДЗЕ окончила факультет экономики и бизнеса Тбилисского Университета. Участница двух Форумов молодых писателей России и стран СНГ. Публикации в итоговом сборнике фестивального конкурса «Поэттех», (Россия) 2011., в приложении к ежегодному Международному Альманаху «Золотая Ника», (Украина) 2012; в итоговом сборнике конкурса молодых русскоязычных поэтов Закавказья «Плеяда Южного Кавказа», (Грузия) 2012, в издании «Лист о.к. АБГ», в итоговом сборнике Форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья «Новые писатели», (Россия) 2015.

Юрий ЩЕРБАКОВ (1956) закончил Астраханский технический институт рыбной промышленности и хозяйства, работал судовым механиком на Дальнем Востоке, журналистом. В 1989 году был принят в Союз писателей СССР. Поэт, публицист, прозаик, переводчик. Автор многих книг публицистики, прозы, стихотворений, переводов. Лауреат нескольких международных и всероссийских литературных премий, в том числе «Золотого Дельвига», удостоен ордена Дружбы, медали «За заслуги перед Астраханской областью», медали Республики Калмыкия «Навеки вместе». Публиковался во многих всесоюзных и всероссийских журналах, газетах и альманахах. Его произведения переведены на ряд языков народов России. Основатель и редактор газеты астраханских писателей «Родное слово». Собкор «Литературной газеты» по Астраханской области и Калмыкии.

ZAUR по основной профессии химик-технолог. Начав с прозы, перешел к стихам. Печатался в журнале «Литературный Азербайджан», газете «Мир литературы». Увлекается фотографией.

Издатель –
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»
ГРУЗИЯ

Руководитель проекта
Николай Свентицкий

Редакторы-составители
Анна Шахназарова,
Михаил Ляшенко

Отпечатано в типографии издательства «Дани»
Пр. Церетели, 112
Тбилиси
Грузия

Тираж 500 экземпляров

Маргарита ГЕВОРКЯН. Ева. Коллаж.

Марат ГАДЖИЕВ (Дагестан). Над крышами.
Тушь, акварельные карандаши, б.

www.russianclub.ge